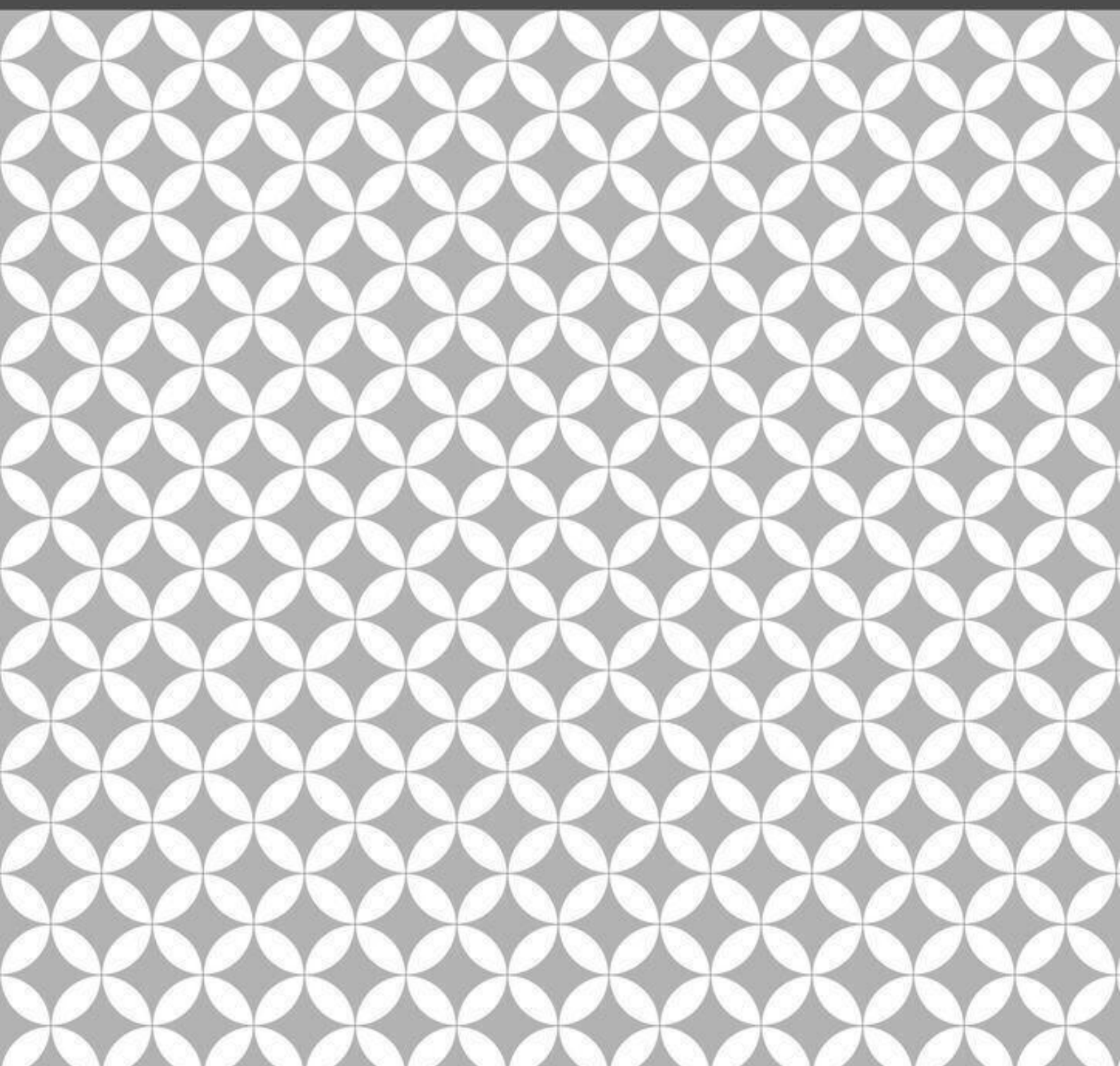

18+

Юрий Драздов
*Фермер симулятор: Жатва
скорби*

Юрий Драздов

Фермер симулятор: Жатва скорби

«Издательские решения»

Драздов Ю.

Фермер симулятор: Жатва скорби / Ю. Драздов — «Издательские решения»,

Война Агронома с «Ястребами» достигает апогея. Получив «Священный Огонь», Архонт стирает ферму в пепел, но старый агроном не сдается. Он создает биологическое оружие — споры, превращающие людей в живые инкубаторы, и лиану, разрушающую камень. Пока враг празднует, Иван Петрович проращивает паразита в стенах новой вражеской цитадели. Начинается эпидемия: гарнизон гибнет от заразы изнутри, замок рушится. Это история о гневе, который удобряет землю лучше навоза,

© Драздов Ю.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Пепельная неделя	6
Часть 1. Первый луч	7
— — Часть 2. Систематическое выжигание	12
— — Часть 3. Агония зелени	14
— — Часть 4. Приказ отступить	18
— — Часть 5. Последний рубеж	24
Глава 2. Агония зелени	26
Часть 1. Тщетность защиты	27
Часть 2. Паника и потери	34
Часть 3. Жертва Стража	39
Часть 4. Бегство в дзот	45
Часть 5. Тишина и обещание	48
Глава 3. Скорбь и гнев	50
Часть 1. Скорбь и пепел	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Фермер симулятор: Жатва скорби

Юрий Драздов

© Юрий Драздов, 2026

ISBN 978-5-0070-1460-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Пепельная неделя

Часть 1. Первый луч

Утро начиналось как обычно — с тишины.

Иван Петрович сидел на крыльце мельницы, в своём старом кресле-качалке, и смотрел, как над Кровавыми полями поднимается солнце. В кружке дымился травяной отвар — мята, ромашка, совсем чуть-чуть Поющей травы для ясности мыслей. Рядом, на ступеньках, скрестив ноги, сидела Whisper. Её лицо, как всегда, было обращено к востоку — она не видела рассвета, но чувствовала его. Тепло на коже, изменение запахов, особую, тонкую вибрацию, которую растения издавали на рассвете.

— Они сегодня тихие, — сказала она вдруг.

Иван Петрович, уже поднёсший кружку к губам, замер.

— Что?

— Растения. Они тихие. Обычно на рассвете они поют громче — приветствуют солнце. А сегодня... — она наклонила голову, вслушиваясь, — как будто ждут чего-то.

Иван Петрович медленно поставил кружку на перила и прикрыл глаза. «Шёпот флоры» — его верный внутренний голос, ставший за эти месяцы таким же привычным, как биение сердца, — подтвердил слова Whisper. Растения на восточном периметре молчали. Не спали — именно молчали. Затаились. Их ауры, обычно спокойные и ровные, сейчас были напряжены, как струны перед разрывом.

Он поднялся с кресла и пристально взгляделся в восточный горизонт. Там, за холмами, где когда-то стоял тренировочный лагерь «Ястребов», а теперь простиралась выжженная, опустевшая земля, что-то происходило. Небо над холмами меняло цвет — не так, как меняет его восходящее солнце, а иначе. Словно само пространство дрожало, искажалось, готовясь разорваться.

— Портал, — произнёс он одними губами.

Вспышка была золотой. Той самой, которую, по слухам, видели над шатром Архонта несколько дней назад. Она длилась всего мгновение, но Иван Петрович успел заметить, как в небе над восточным холмом разверзлась арка — не похожая на обычные игровые порталы, а какая-то рваная, неровная, словно прорезанная в ткани реальности тупым ножом. Из арки вылетели три грифона.

Первый — самый крупный, с тёмным, почти чёрным оперением и мощными лапами, способными разорвать даже каменного голема. На его спине, в седле из чёрной кожи, сидел Архонт. Его доспехи, ещё недавно потускневшие и покрытые пылью поражений, теперь сияли так, словно их только что выковали в небесной кузнице. Легендарный меч, который он когда-то бросил на пол в своём шатре, снова висел у пояса, но рука Архонта лежала не на рукояти. Он сжимал в ладони что-то маленькое, светящееся — крошечную искру, которая пульсировала ровным, ослепительно-белым светом.

Двое других грифонов, помельче, несли на себе элитных бойцов «Ястребов» — тех немногих, что остались верны своему лидеру до конца. Они держались чуть позади, как эскорт, и в их позах не было ни *triumfa*, ни радости. Только мрачная, сосредоточенная решимость.

Архонт не стал медлить. Он поднял руку, и Искра Священного Огня в его ладони засияла ярче.

— Смотри, — тихо сказал Иван Петрович, и Whisper, не видящая, но чувствующая, повернула голову к востоку. — Смотри. Сейчас ты услышишь то, чего ещё никогда не слышала.

Первый луч ударил по Стене Плоти.

Это был не огонь. Не пламя, не жар, не взрыв. Это был свет — тонкий, как игла, и ослепительный, как солнце в зените. Он сорвался с ладони Архонта, прочертил в воздухе идеально прямую линию и коснулся колючего кустарника, который месяцами служил неприступной границей фермы. И кустарник исчез.

Не сгорел — именно исчез. Мгновенно, без дыма, без пепла, без звука. Там, где только что была живая, пульсирующая плоть растений, теперь зияла полоса абсолютно чёрной, спекшейся стеклом земли. «Шёпот флоры» в этом месте оборвался — не затих, не умолк, а именно оборвался, как перерезанный нерв. Иван Петрович покачнулся и схватился за перила. Боль — настоящая, физическая, не предусмотренная игровыми механиками — пронзила его от затылка до пяток.

— Что это?! — вскрикнула Whisper. Она тоже почувствовала: в её мире звуков и аур только что образовалась пустота. Чёрная, безмолвная, абсолютная пустота там, где мгновение назад пели голоса сотен растений.

— Священный Огонь, — выдохнул Иван Петрович. — Первозданное пламя. Он не жжёт — он стирает. Стирает саму жизнь.

Архонт, сидя на грифоне, медленно повёл рукой. Луч Священного Огня, повинаясь его движению, пополз дальше — вдоль Стены Плоти, оставляя за собой идеально ровную, дымящуюся просеку. Кусты-Плеваки, замаскированные в зарослях, попытались дать ответный залп: их ядовитые ягоды взвились в воздух, устремились к грифонам — и рассыпались серой пылью, даже не долетев до цели. Защитная аура Священного Огня, окружавшая всадников, уничтожала всё, что несло в себе хотя бы искру органики.

Облака спор «Огненной лихорадки», поднявшиеся с полей, постигла та же участь. Они не сгорали — они теряли саму свою суть, становились инертной, безжизненной взвесью, которая тут же оседала на землю серым, удушливым налётом. Ген кактуса, дававший растениям девяносто процентов сопротивления к магическому пламени, был бесполезен. Потому что это было не магическое пламя. Это было нечто из другого мира — из мира, где жизнь ещё не зародилась, а смерть ещё не обрела форму.

Иван Петрович попытался задействовать «Шёпот флоры» на полную мощность. Он послал в сторону атакующих самый сильный, самый властный сигнал, на какой только был способен: приказ корням-удавкам вырваться из-под земли и схватить грифонов, приказ деревьям-ловушкам выстрелить шипами, приказ спорам сгуститься в облако и окутать всадников.

Но корни, едва высунувшись из земли, попадали под луч и исчезали. Деревья, в которые попадал свет, рассыпались серой трухой. А споры... споры просто переставали быть.

И тогда он попытался сделать то, чего не делал никогда раньше. Он попытался «угговорить» сам огонь. Через «Шёпот флоры» он обратился не к растениям — к той силе, что уничтожала их. Он представил себе этот белый, ослепительный свет как живое существо, как стихию, с которой можно договориться. «Остановись, — сказал он мысленно. — Ты не враг мне. Я не враг тебе. Остановись».

Система выдала короткое, глухое сообщение. Буквы были красными — такими он не видел никогда за всё время игры:

«Цель не является биологическим объектом. Взаимодействие через навык „Шёпот флоры“ невозможно. Навык не может быть применён к данной цели».

Иван Петрович открыл глаза. Архонт, закончив демонстрацию, развернул грифона и медленно, не торопясь, полетел обратно к холмам. Двое других всадников последовали за ним. Они не атаковали мельницу. Не пытались прорваться внутрь. Они просто показали, что могут сделать.

Иван Петрович спустился с крыльца и медленно, очень медленно побрёл к тому месту, где только что зияла прореха в Стене Плоти. Whisper, не говоря ни слова, последовала за ним. Она не нуждалась в поводуре — её нейро-интерфейс рисовал картину мира через звуки и ауры, и сейчас эта картина была ужасна.

Земля под ногами изменилась. Там, где прошёл луч, она превратилась в стекло — чёрное, блестящее, с острыми, как бритва, краями. Иван Петрович наклонился и поднял осколок. Тот был холодным — даже не прохладным, а именно холодным, как кусок металла, пролежавший всю ночь на морозе. И абсолютно мёртвым. Ни одной споры, ни одной бактерии, ни одной молекулы органики. Пустота.

— Я не чувствую здесь ничего, — тихо сказала Whisper. — Вообще ничего. Как будто мира здесь нет.

Иван Петрович молчал. Он держал в руках осколок стекла — всё, что осталось от его живой изгороди, — и думал. Не о том, как защититься. Не о том, как контратаковать. Он думал о том, что только что увидел оружие, против которого всё его искусство, все его растения, вся его экосистема были бессильны. Архонт получил от разработчиков не просто преимущество. Он получил ключ от реальности, в которой Иван Петрович, со всей своей агрономией, был не бойцом — а просто *organikoī*, подлежащей уничтожению.

— Он вернётся, — сказал он наконец. — Это была только проба. Завтра он начнёт выжигать нас всерьёз.

— Что мы будем делать? — спросила Whisper. Её голос дрожал — впервые за всё время, что Иван знал её.

— Пока не знаю, — ответил он. — Но знаю одно: мы не сдадимся. Мы никогда не сдавались.

Он повернулся и зашагал обратно к мельнице. В его голове уже начинал формироваться план — пока смутный, неясный, но единственно возможный. План, который требовал времени. Времени, которого у них не было.

— —

Весь оставшийся день Иван Петрович провёл в подвале. Он зажёл масляную лампу, сел за свой грубо сколоченный стол и разложил перед собой глиняные таблички. На одной он записывал все известные ему данные о Священном Огне — то, что рассказала Рика, то, что он видел сам, то, о чём ходили слухи. На другой — список всех своих растений и их уязвимостей. На третьей — возможные контрмеры.

Картина вырисовывалась безрадостная. Священный Огонь не был оружием в обычном смысле. Он не имел температуры — следовательно, от него нельзя было защититься жаростойкими материалами или охлаждением. Он не был магией — следовательно, антимагические экраны были бесполезны. Он не был ядом, не был болезнью, не был даже излучением в том смысле, в каком излучал его «Гнилой Картофель». Это было нечто, что находилось на более высоком уровне реальности — мета-сущность, как выразился бы Мерлин, если бы знал, что такая существует. Единственное, что можно было противопоставить Священному Огню, — это сам Священный Огонь. Но у Ивана Петровича его не было.

Он откинулся на спинку стула и потёр виски. Глаза устали, мысли путались. В подвале было душно — компостный чан тихо булькал в углу, перерабатывая очередную порцию органики, и его ритмичное урчание действовало почти гипнотически.

В дверь тихо постучали. На пороге стоял Эйнар — бригадир «Колхоза», бывший ветеран «Ястребов», а ныне один из самых преданных соратников Ивана. Его лицо, обычно спокойное и уверенное, сейчас было мрачным.

— Агроном, — начал он без предисловий, — люди волнуются. Я, конечно, сказал им, что всё под контролем, но... — он замаялся. — Они видели эту штуку. Видели, что она делает. Танки спрашивают, можно ли защититься от неё щитами. Маги пытаются понять, какие чары использовать. А я не знаю, что им ответить. Потому что сам не понимаю, что это такое.

— Садись, — сказал Иван Петрович, кивая на табурет.

Эйнар сел, и Иван вкратце изложил ему свои выводы. О том, что Священный Огонь игнорирует все известные виды защиты. О том, что он не подчиняется законам физики и магии. О том, что разработчики, по сути, дали Архонту чит-код, замаскированный под игровую механику. Эйнар слушал молча, и с каждым словом его лицо становилось всё мрачнее.

— Значит, мы ничего не можем сделать? — спросил он, когда Иван закончил.

— Я этого не говорил, — ответил Иван Петрович. — Я сказал, что мы не можем защититься. Но это не значит, что мы не можем ответить.

— Чем? У нас нет такого оружия.

— Есть, — Иван Петрович бросил взгляд на свинцовый ящик в углу подвала. — Но я не хочу его использовать. Пока не хочу. Сначала мы попробуем другое.

Он встал и подошёл к карте, висевшей на стене.

— Слушай мой приказ. С сегодняшнего дня — полная эвакуация. Все люди, весь скот, все припасы должны быть переведены в подземные укрытия. Я давно готовил их — на случай, если что-то подобное произойдёт. Ты будешь отвечать за логистику. Рейнджер — за безопасность маршрутов. Кривой Нож поможет мне с семенами.

— А ты? — спросил Эйнар. — Что будешь делать ты?

— Я останусь здесь, — спокойно ответил Иван Петрович. — Буду держать оборону, сколько смогу. Может, мне удастся найти слабое место в этой штуке. Может, Архонт допустит ошибку. Может, разработчики одумаются. В любом случае, я не уйду с этой земли, пока она окончательно не погибнет.

Эйнар хотел возразить, но что-то в глазах старика заставило его промолчать. Он встал, коротко кивнул и вышел.

Иван Петрович остался один. Он снова сел за стол, взял тыквенное семечко — свою неизменную ручку — и принялся писать.

— — Часть 2. Систематическое выжигание

На следующее утро Архонт вернулся.

Он прилетел не один — с ним была целая эскадрилья из пяти грифонов. Каждый нёс на себе не только всадника, но и груз: какие-то артефакты, свитки, кристаллы. Видимо, «Ястребы» готовились к долгой, методичной работе.

Иван Петрович, стоя на крыльце мельницы, наблюдал за ними через «Глаз-траву», которая ещё уцелела на восточных подступах. Он видел, как Архонт разделил свои силы: двое грифонов остались на холмах, очевидно, в качестве резерва и наблюдателей, а трое начали облёт территории по чётко определённом маршруту. Они не атаковали мельницу. Вообще не приближались к ней. Вместо этого они начали выжигать поля по периметру.

Первым пало северное поле — то самое, где Иван выращивал экспериментальную пшеницу с геном морозостойкости. Архонт, зависнув над ним на высоте около ста метров, провёл лучом несколько параллельных линий, аккуратно, как тракторист на пахоте. Луч скользил по земле, оставляя за собой полосы оплавленного стекла. Пшеница, ещё вчера золотившаяся на солнце, исчезала — не сгорала, не осыпалась, а просто переставала существовать. Через полчаса от поля остался только чёрный, дымящийся прямоугольник, напоминающий свежезаасфальтированную парковку.

Вторым пало южное поле — то самое, на котором Иван испытывал «Гнилой Картофель» и где до сих пор зияла воронка. Архонт, видимо, знал об этом — его информаторы работали хорошо. Он направил луч прямо в центр воронки, туда, где ещё сохранялась остаточная радиация. Луч соприкоснулся с заражённой землёй — и та отреагировала. Раздался глухой, подземный гул, и над воронкой поднялся столб зеленоватого дыма. Священный Огонь и некротическая энергия «Гнилого Картофеля» вступили в реакцию, которая выбросила в воздух тучи радиоактивной пыли. Но Архонт был готов: он взмахнул рукой, и вокруг грифонов вспыхнул защитный купол, сквозь который пыль не проникла. Через несколько минут воронка перестала дымить — Священный Огонь выжег даже радиацию.

Иван Петрович смотрел на это с мрачным удовлетворением. По крайней мере, теперь он знал: его картофель и Священный Огонь — силы примерно одного порядка. Если они столкнутся напрямую, неизвестно, кто победит. Но для такого столкновения нужно было, чтобы Огонь и картофель оказались в одной точке. А Архонт, судя по всему, не собирался подставиться.

К полудню третьего дня были уничтожены почти все внешние поля. Архонт действовал методично, как хирург: каждый день — новый квадрат. Понедельник: колючие заросли на западной границе. Вторник: роща Кустов-Плевач у реки. Среда: делянка с минами-тыквами, которые даже не успели сработать — Священный Огонь деактивировал их прежде, чем кто-либо наступил на них. Четверг: пасека с пчёлами-убийцами, которых Иван разводил для мёда и защиты. Пчёлы, почуяв опасность, поднялись в воздух огромным роем, но луч Священного Огня прошёл сквозь них, как нож сквозь масло, и через минуту на землю осыпался только серый, безжизненный пепел.

С каждым днём «Шёпот флоры» становился тише. Иван Петрович чувствовал, как его связь с растениями слабеет, как их голоса замолкают один за другим. Это было похоже на медленное умирание части его самого — как если бы ему по очереди отрезали пальцы. Сначала он пытался сопротивляться: приказывал корням-удавкам атаковать грифонов снизу, но корни, едва высунувшись из земли, попадали под луч. Пытался использовать «Сладкую Вату» — споры-транквилизаторы, которые когда-то вывели из строя целую армию вторжения, но Архонт держался слишком высоко, а споры, поднявшись до его уровня, теряли активность под воздействием Священного Огня. Пытался даже использовать телепортационное дерево — то самое, которое он вырастил из семени, полученного от Гюнтера и госпожи Чжоу, — чтобы мгновенно перебросить своих бойцов на грифонов. Но Архонт, казалось, знал и об этом: каждый раз, когда дерево активировалось, он наносил удар именно в ту точку, где открывался портал.

Кто-то сливал информацию. Иван Петрович подозревал, что это был один из новичков «Колхоза» — тех, кто пришёл после истории с «Инквизицией» и кого он не успел как следует проверить. Но сейчас у него не было времени на расследования.

В лагере царила паника. Люди, ещё неделю назад чувствовавшие себя в безопасности под защитой растений, теперь метались между палатками, собирали вещи, спорили, кричали. Эйнар, стиснув зубы, пытался навести порядок, но даже его громовой голос не всегда помогал. Кривой Нож носился между мельницей и подземными складами, таская ящики с семенами и припасами. Whisper, как могла, успокаивала женщин и детей (в «Колхозе» были и такие — семьи, которые пришли на ферму в поисках спасения от голода). Но страх был сильнее любых слов.

К исходу четвёртого дня, когда очередной квадрат земли превратился в оплавленное стекло, к Ивану Петровичу подошёл Рейнджер. Его лицо, обычно невозмутимое, было серым от усталости.

— Мы теряем людей, — сказал он без предисловий. — Не от огня — от страха. Сегодня утром ещё пятеро ушли. Просто собрали вещи и ушли. Куда — не знаю. Может, к «Ястребам». Может, в город. Может, просто в лес.

— Я не держу их, — тихо ответил Иван Петрович. — Если хотят уйти — пусть уходят. Я не могу гарантировать им безопасность. Я вообще ничего не могу гарантировать.

— Дело не в гарантиях, — возразил Рейнджер. — Дело в том, что они верят в тебя. Вернее, верили. А теперь... теперь они видят, что ты бессилен. И это пугает их больше, чем любой огонь.

Иван Петрович ничего не ответил. Он сидел на крыльце, сжимая в руках холодную кружку с остывшим отваром, и смотрел, как на восточном холме загорается очередной костёр — лагерь «Ястребов» готовился к ночлегу.

Впервые за много лет он чувствовал себя абсолютно, стопроцентно беспомощным.

— — Часть 3. Агония зелени

Ночью разразилась гроза. Тяжёлые, свинцовые тучи, пришедшие с востока, затянули небо, и на Кровавые поля обрушился ливень. Молнии, одна за другой, расчерчивали небосвод, и гром грохотал так, что дрожали стёкла в окнах мельницы. Иван Петрович не спал. Он сидел в подвале, при свете масляной лампы, и работал над очередной глиняной табличкой. Перед ним лежали образцы того, что осталось от поражённых Священным Огнём растений: кусочки оплавленной коры, горстки серого пепла, осколки стекла. Он изучал их, пытаясь найти хоть какую-то закономерность, хоть какую-то зацепку.

Ему нужно было понять: есть ли у Священного Огня слабое место? Может быть, он тратит энергию носителя? Может быть, его действие ограничено по времени? Может быть, он не действует на что-то, что не является в строгом смысле *organikoi*? Например, на минералы? На металлы? На чистую воду?

Он провёл несколько простых опытов. Капнул водой из Плачущего источника на образец оплавленной земли — вода зашипела и испарилась, но земля осталась прежней. Положил кусочек железа под микроскоп (увеличительное стекло от алхимического набора Нуля, которое он сохранил как трофей) — железо не изменилось. Значит, металлы Священному Огню не поддаются. Это уже было что-то.

Он взял глиняную табличку и записал: «Предположительно, Священный Огонь воздействует только на органическую материю. Металлы, минералы, вода — инертны. Возможно, защитный экран из металлической пыли или водяной завесы мог бы...» Он не дописал. Потому что понял: даже если он создаст такой экран, он не сможет укрыть им всё. Слишком большая территория. Слишком мало времени.

В дверь постучали. На пороге стояла Whisper. Она была бледна, под глазами залегли тени — видно, тоже не спала.

— Они снова здесь, — сказала она тихо. — Я слышу их. Грифоны. Они летят.

Иван Петрович отложил табличку и поднялся наверх. Дождь уже кончился, но небо всё ещё было затянуто тучами. В предрассветной серости, на фоне свинцовых облаков, он увидел три тёмных силуэта. Грифоны. Архонт решил не ждать рассвета.

— Сегодня он ударит по центру, — прошептал Иван Петрович. — По огороду. По мельнице.

— Что мы будем делать? — спросила Whisper.

— То, что должны. Защищаться.

Он вызвал Эйнара. Приказал поднять всех, кто ещё способен держать оружие, и готовиться к бою. Не к победе — к бою. Потому что победить они не могли. Но могли хотя бы умереть достойно.

Эйнар, выслушав приказ, молча кивнул и ушёл. Через полчаса у мельницы собрался небольшой отряд: двое бывших танков в потрёпанных, но всё ещё крепких доспехах, трое лучников, среди которых был и Рейнджер, и несколько магов — тех, что не побоялись остаться. Все они знали, на что идут. И всё равно остались.

Иван Петрович оглядел их и почувствовал, как к горлу подступает ком. Эти люди — простые игроки, многие из которых пришли на ферму всего несколько месяцев назад, спасаясь от голода, — были готовы умереть за него. За старика, который даже не мог нанести урон врагу.

— Спасибо, — сказал он. И больше ничего не добавил. Да и что тут можно было добавить?

Грифоны приближались. Архонт, как всегда, летел первым. Он опустился ниже обычного — видимо, хотел получше рассмотреть свою цель. Иван Петрович видел его лицо: холодное, сосредоточенное, без тени торжества. Человек, который потерял всё и теперь возвращал долги.

Первый удар пришёлся по огороду. Грядки с мутировавшей морковью, которые Иван возделывал с такой любовью, исчезли в одно мгновение. Луч скользнул по земле, оставляя за собой оплавленную полосу, и морковь — та самая, которая стреляла семенами и узнавала хозяина по шагам, — превратилась в ничто.

Второй удар — по делянке с Золотой пшеницей. Иван Петрович слышал, как Whisper, стоявшая рядом, тихо ахнула: она всегда говорила, что у Золотой пшеницы самый красивый голос. И вот этот голос умолк. Навсегда.

Третий удар — по мельнице.

Архонт поднял руку с Искрой, и белый свет начал разгораться в его ладони, готовясь обрушиться на старое каменное здание. Иван Петрович стоял на крыльце, выпрямившись во весь рост, и смотрел прямо на врага. Он не побежал. Не спрятался. Он просто ждал.

И в этот момент случилось то, чего никто не ожидал.

Дендроид-страж, который всё это время неподвижно стоял у входа в мельницу, вдруг пришёл в движение. Его глаза, два тусклых жёлтых пятна, вспыхнули ослепительным светом. Ветви, обычно опущенные, взметнулись вверх, образуя защитный купол. Корни, глубоко уходящие в землю, напрялись, и всё его огромное тело подалось вперёд.

Через «Шёпот флоры» Иван Петрович услышал то, чего не слышал никогда раньше. Голос. Не слова — образ. Чувство. Мысль. Она была простой и ясной, как всё, что исходило от растений:

«МОЙ ЧЕРЕД. ОТЕЦ».

— Нет! — закричал Иван Петрович, бросаясь вперёд. — Нет! Стоять! Я приказываю тебе стоять!

Но Страж не послушался. Впервые за всё время своего существования он ослушался хозяина. Он сделал гигантский шаг — немыслимый для его массы, — оттолкнулся корнями от земли и прыгнул. Прямо в траекторию луча.

Священный Огонь ударил его в грудь.

Звук был не громким. Скорее, тихим. Как будто лопнула струна. Белый свет на мгновение окутал Стража, и его хитиновая кора — та самая кора, которая была прочнее стали и могла выдержать удар тарана, — не загорелась. Она просто исчезла. Мгновенно обратилась в серый, невесомый пепел, который тут же осыпался вниз, подхваченный ветром.

Но Страж не упал. Его сердце — огромное, пульсирующее древесное ядро, скрытое глубоко внутри, — всё ещё было живо. Оно горело жёлтым светом, тем же светом, что и его глаза. И оно продолжало закрывать мельницу собой.

Иван Петрович стоял на земле, глядя на это, и кричал. Это был не крик тактика, не крик командира, отдающего приказы. Это был крик отца, видящего гибель своего сына. Он кричал так, что срывал голос, кричал так, что слёзы текли по его лицу, а он даже не замечал этого.

Луч погас. Архонт, видимо, израсходовал накопленную энергию и теперь отступал, чтобы перезарядить Искру. Грифоны развернулись и полетели обратно к холмам. А Страж всё ещё стоял, покачиваясь, и его сердце пульсировало всё медленнее и медленнее.

Иван Петрович бросился к нему. Споткнулся, упал, поднялся, снова побежал. Добежав, он упал на колени перед своим созданием, своим защитником, своим... да, своим сыном. Он положил руки на то, что осталось от коры, и почувствовал, как тепло уходит из неё.

Свечение в глазах Стража мерцало, как пламя свечи на ветру. Иван Петрович заглянул в эти глаза — те самые, что светили ему каждую ночь, те самые, что видели его в самые тёмные часы, — и прошептал:

— Прости меня. Прости, что не смог защитить тебя.

Свечение мигнуло. Последний раз. И погасло.

«Шёпот флоры» зафиксировал пустоту. В том месте, где только что был его Страж — живой, тёплый, родной, — теперь была абсолютная, звенящая пустота. Как будто из мира вырвали кусок и заполнили его ничем.

Иван Петрович стоял на коленях перед горой пепла, которая когда-то была его лучшим творением, и плакал. Он плакал так, как не плакал уже много, много лет — с тех пор, как умерла его жена. С тех пор, как он остался один в реальном мире. С тех пор, как он думал, что больше никогда не сможет никого полюбить.

Сзади тихо подошла Whisper. Она не видела слёз, но чувствовала боль — такую острую, такую глубокую, что она передавалась через «Шёпот флоры» даже ей. Она села рядом с Иваном Петровичем на холодную, покрытую пеплом землю и взяла его за руку.

— Он был хорошим, — сказала она тихо. — У него была добрая песня. Я всегда это говорила.

— Он был лучшим, — ответил Иван Петрович, не поднимая головы. — Он был всем, что у меня было.

— У тебя есть мы, — сказала Whisper. — У тебя есть я.

Иван Петрович долго молчал. Потом вытер слёзы рукавом — грубо, по-крестьянски, — и поднялся. Его лицо, только что бывшее маской боли, стало другим. Холодным. Решительным.

— Да, — сказал он. — У меня есть вы. И пока я жив, я не позволю этой твари уничтожить ещё кого-нибудь.

Он повернулся к мельнице. Там, у входа, стояли его люди — те, кто остался. Эйнар, мрачный и молчаливый. Кривой Нож, едва сдерживающий слёзы. Рейнджер, стиснувший зубы так, что желваки ходили ходуном.

— Все вниз, — скомандовал Иван Петрович. — В подвал. Сейчас же.

— — Часть 4. Приказ отступить

Подвал мельницы, обычно служивший лабораторией и хранилищем, теперь превратился в командный центр. Иван Петрович сидел за столом, окружённый глиняными табличками, и отдавал приказы. Его голос был спокойным, ровным, почти равнодушным — так говорят люди, которые перешли черту и больше не чувствуют боли. Только холодную, расчётливую решимость.

— Первое. Эйнар, ты возьмёшь всех людей — всех до единого — и уведёшь их на север. Там, в холмах, есть подземные гроты, которые я разведаль несколько месяцев назад. Они глубокие, сухие и, главное, окружены минеральными породами. Священный Огонь их не возьмёт.

— Но как мы туда доберёмся? — спросил Эйнар. — Грифоны заметят нас.

— Не заметят, если вы пойдёте ночью и через лес, — ответил Иван Петрович. — Я отвлеку их. Устрою тут небольшое представление.

— Какое представление?

— Увидишь. Второе. Кривой Нож, ты отвечаешь за семенной фонд. Всё, что есть в подвале, — все таблички, все пробирки, все горшки — должно быть упаковано и готово к транспортировке. Ничего не оставлять. Ни одного семечка. Ты меня понял?

Кривой Нож, который никогда не видел своего наставника в таком состоянии, только молча кивнул.

— Третье. Whisper. Ты пойдёшь с Эйнаром. Будешь глазами и ушами отряда. Твоё зрение видит то, что не видят другие. Если грифоны приблизятся — ты почувствуешь их раньше всех.

— А ты? — спросила Whisper. — Что будешь делать ты?

— Я останусь здесь, — ответил Иван Петрович. — Буду держать оборону, пока вы не уйдёте. А потом... — он бросил взгляд на свинцовый ящик в углу. — Потом посмотрим.

— Я не уйду, — твёрдо сказала Whisper. — Я уже говорила тебе: я останусь с тобой. До конца.

— Это приказ, — начал было Иван Петрович, но Whisper перебила его:

— Я не твой солдат. Я твоя внучка. Ты сам так сказал. А внуки не бросают дедушек.

В подвале повисла тишина. Эйнар и Кривой Нож переглянулись. Иван Петрович долго смотрел на Whisper, и что-то в его глазах дрогнуло.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Ты останешься. Но если я прикажу уйти — ты уйдёшь. Без возражений. Договорились?

— Договорились, — ответила Whisper.

— Тогда — за работу. У нас мало времени.

Следующие несколько часов прошли в лихорадочной активности. Люди собирали вещи, грузили припасы на телеги, упаковывали семена в глиняные горшки и ящики. Кривой Нож носился между подвалом и лагерем, таская всё новые и новые порции. Эйнар строил отряд в походную колонну — молча, без лишних слов, одним своим видом внушая подчинённым спокойствие, которого сам, вероятно, не испытывал. Whisper, сидя на крыльце, вслушивалась в небо — её нейро-интерфейс улавливал отдалённые вибрации грифонов, которые всё ещё кружили над восточными холмами, готовясь к новой атаке.

Иван Петрович спустился в подвал в последний раз. Он подошёл к свинцовому ящику, отодвинул засов и открыл крышку. Внутри, в углублении, выложенном соком Поющей травы, лежал материнский клубень «Гнилого Картофеля» и несколько дочерних отростков. Они пульсировали всё тем же болезненным, зеленоватым светом, и их отростки слабо шевелились, словно ощупывая воздух.

— Ну что, — тихо сказал он, обращаясь к клубню. — Похоже, твой час настёт.

Рядом с ящиком стояли пять контейнеров гномьей работы — те самые, которые он готовил для Гюнтера и госпожи Чжоу, но не успел отправить из-за начала атак. В каждом из них лежал миниатюрный, модифицированный отросток, готовый к использованию. Иван Петрович взял один контейнер и положил его в заплечный мешок. Остальные оставил на месте.

Он поднялся наверх. У мельницы уже выстроилась колонна: около тридцати человек, нагруженных узлами и тележками. Многие из них были бледны, у некоторых дрожали руки, но никто не плакал и не жаловался. Эти люди прошли через голод, через страх, через «Тыквенную чуму» и налёт «Инквизиции». Они готовы были идти.

— Все готовы? — спросил Иван Петрович, выходя на крыльцо.

— Так точно, — ответил Эйнар.

— Тогда слушайте меня. Сейчас вы уходите. Идёте на север, через лес, к холмам. Там найдёте гроты — вход отмечен тремя большими валунами. Ждите меня там. Если через три дня я не приду — значит, не приду. Тогда командиром становится Эйнар. Он знает, что делать.

— А ты? — крикнул кто-то из толпы.

— Я остаюсь. Мне нужно закончить тут одно дело.

Он не стал объяснять, какое именно. Вместо этого он подошёл к Whisper, которая стояла у входа в мельницу, и взял её за руку.

— Ты готова?

— Готова, — ответила она. — Мы идём вместе.

Иван Петрович кивнул и повернулся к колонне.

— Всё. Уходите.

Люди двинулись. Медленно, с оглядкой, они потянулись цепочкой к северной границе, туда, где ещё несколько дней назад стояла Стена Плоти, а теперь зияла оплавленная прореха. Иван Петрович смотрел им вслед, пока последняя фигура не скрылась за деревьями, а потом повернулся к востоку. На холмах, в предвечернем свете, разгорались костры лагеря «Ястребов».

— Теперь наш черёд, — сказал он.

— —

Они остались вдвоём. Нет, не вдвоём — троём. Иван Петрович, Whisper и мельница. Мельница, которая была для Ивана не просто зданием, а частью его самого. Её каменные стены, сложенные неизвестным архитектором ещё до того, как «Артара» стала игрой, помнили всё: его первые эксперименты с семенами, его первую победу над мародёрами, его первую встречу с Whisper. Она была домом. И теперь этот дом должен был стать полем боя.

Иван Петрович расхаживал по территории, отдавая мысленные приказы через «Шёпот флоры». Тем растениям, что ещё уцелели, он приказал сгруппироваться вокруг мельницы, создавая последний оборонительный рубеж. Кусты-Плеваки, лишённые маскировки, выстроились вдоль стен, как солдаты перед последним боем. Корни-удавки, те немногие, что ещё могли двигаться, затаились под землёй у входа. Бродячий корень — его самый старый и верный хищник, переживший не одну осаду, — занял позицию у подножия мельничного колеса.

— Я не чувствую Стража, — тихо сказала Whisper. Она сидела на крыльце, обхватив колени руками. — Его песни больше нет.

— Я знаю, — ответил Иван Петрович. — Но его жертва не была напрасной. Он дал нам время. И мы используем это время до конца.

Он подошёл к тому месту, где упал Страж, и наклонился. На земле, среди серого пепла, лежало то, что осталось от его сердца: небольшой, оплавленный кусочек древесины, всё ещё тёплый на ощупь. Иван Петрович бережно поднял его и положил в карман.

— Я найду способ оживить тебя, — прошептал он. — Когда-нибудь. Когда всё это кончится.

Ночь опустилась на Кровавые поля. Иван Петрович не зажигал огня — он не хотел привлекать внимание грифонов. Они с Whisper сидели в темноте, в подвале, при свете единственной масляной лампы, и говорили. Вспоминали. О том, как она впервые пришла на ферму — испуганная, голодная, с «Инквизицией» за спиной. О том, как он впервые увидел её у Плачущего источника и подумал: «Вот ещё один росток, который нужно пересадить». О том, как они вместе пропалывали грядки и пили чай на закате.

— Знаешь, — сказала вдруг Whisper, — я никогда не видела твоего лица. Но я знаю, какое оно. Тёплое. Как земля весной.

Иван Петрович промолчал. Он смотрел на неё — на эту слепую девочку, которая стала ему внучкой, — и чувствовал, как его сердце разрывается от боли и нежности одновременно.

— Если мы выживем, — сказал он наконец, — я покажу тебе, как сажать подсолнухи. Они поворачиваются к солнцу. И поют — ты бы слышала, как они поют.

— Я услышу, — улыбнулась она. — Обязательно услышу.

— —

Рассвет пятого дня принёс с собой дым.

Архонт, казалось, решил покончить со всем одним ударом. Его эскадрилья — теперь уже из семи грифонов — вылетела с восточных холмов и широким фронтом двинулась к мельнице. Они не тратили время на манёвры, не пытались обмануть защиту. Они просто летели, и каждый нёс в руках по небольшому артефакту — осколку Искры, видимо, позволявшему использовать Священный Огонь без прямой связи с Архонтом.

Иван Петрович стоял на крыльце мельницы и смотрел, как они приближаются. Рядом с ним, с луком в руках, стояла Whisper. Она не видела врагов, но стрелы в её колчане были наготове.

— Помнишь наш план? — тихо спросил Иван Петрович.

— Помню, — ответила она. — Не высовываться, пока ты не дашь сигнал.

— Правильно.

Первый удар обрушился на рошу, прикрывавшую мельницу с востока. Деревья, ещё вчера бывшие живыми, исчезли в одно мгновение. Второй удар — по зарослям кустарника у реки. Третий — по грядкам с морковью, которые чудом уцелели после предыдущих атак. Архонт выжигал всё, что могло служить укрытием, — методично, безжалостно, как будто косил траву.

Иван Петрович ждал. Он знал, что у него есть только один шанс.

Когда грифоны подлетели достаточно близко, он задействовал «Сладкую Вату». Споры-транквилизаторы — те самые, что когда-то вывели из строя целую армию вторжения, — поднялись в воздух густым, сладковатым облаком и окутали ближайшего грифона. Тот на мгновение замешкался, его крылья дрогнули — и в этот момент Whisper натянула тетиву. Её стрела, пущенная с точностью, которую мог дать только нейро-интерфейс, вонзилась в глаз всадника. Грифон, потеряв управление, начал падать.

— Есть! — крикнул Кривой Нож, наблюдавший из окна мельницы.

Но радость была недолгой. Архонт, увидев падение товарища, взмахнул рукой — и Священный Огонь ударил по облаку «Сладкой Ваты», мгновенно нейтрализовав его. Затем он направил луч на то место, откуда прилетела стрела. Whisper едва успела отпрыгнуть в сторону — каменное крыльцо, на котором она только что стояла, превратилось в оплавленное стекло.

— В подвал! — заорал Иван Петрович. — Живо!

Они бросились внутрь. За их спинами раздался грохот — это рухнула часть крыши, подожжённая Священным Огнём. Деревянные балки, служившие перекрытиями, вспыхнули, как спички, и через минуту весь верхний этаж мельницы был охвачен пламенем.

В подвале было темно и душно. Иван Петрович, задыхаясь, привалился к стене. Whisper, прижавшись к нему, пыталась отдышаться. Кривой Нож, спустившийся за ними, стоял, сжимая в руках бесполезный меч.

— Что теперь? — спросила Whisper.

— Теперь — ждать, — ответил Иван Петрович. — Они думают, что мы мертвы. Пусть думают.

Он подошёл к свинцовому ящику и открыл его. Зеленоватый свет, вырвавшийся наружу, осветил подвал.

— Пришло время использовать это, — сказал он.

— Ты уверен? — спросил Кривой Нож. — Это же... оно же может уничтожить всё.

— У нас нет выбора, — ответил Иван Петрович. — Если мы не остановим их сейчас, они уничтожат нас. А это... — он посмотрел на пульсирующий клубень, — это последнее, что у нас осталось.

Он взял контейнер с модифицированным отростком и направился к выходу из подвала.

— Сидите здесь, — приказал он. — Если я не вернусь через час — уходите через запасной ход. Он ведёт к реке. Там вы сможете скрыться.

— Я с тобой, — сказала Whisper и шагнула вперёд.

— Нет, — твёрдо произнёс Иван Петрович. — Ты останешься здесь. Это приказ. Ты обещала.

Whisper остановилась. Её лицо исказилось, но она не стала спорить. Только тихо сказала:

— Возвращайся.

— Обязательно, — ответил он.

И вышел в огонь.

— —

На поверхности творился ад. Мельница горела, её верхние этажи обрушились, и над руинами поднимался столб чёрного дыма. Поля вокруг были превращены в оплавленное стекло,

и только кое-где ещё дымились остатки сада. Грифоны кружили над пожарищем, высматривая уцелевших.

Иван Петрович, пригибаясь, добежал до того места, где раньше стоял Бродячий корень. Корень, израненный и полумёртвый, ещё шевелился. Иван положил руку на его ствол и послал через «Шёпот флоры» последний приказ.

«Прости меня, старый друг. Но ты нужен мне ещё раз».

Корень, словно поняв его, медленно, с усилием, начал зарываться в землю. Туда, где на глубине нескольких метров проходила дренажная канава, ведущая к реке. Иван Петрович следовал за ним, и через несколько минут они оказались у самой воды.

Здесь, на берегу, его уже ждал давний союзник — речной ил, насыщенный спорами Светящегося мицелия. Иван Петрович достал из мешка контейнер с модифицированным клубнем «Гнилого Картофеля», сорвал печать и бросил клубень в ил.

— Расти, — сказал он. — Расти и жди.

Клубень, попав в питательную среду, начал пульсировать быстрее. Его отростки зарывались в ил, впитывая органику, минералы и споры. Через несколько минут на поверхности реки появились первые, едва заметные зеленоватые пузыри.

Иван Петрович выпрямился и посмотрел на небо. Грифоны, закончив облёт, возвращались к холмам. Архонт, видимо, решил, что дело сделано. Мельница разрушена. Поля выжжены. Враг повержен.

«Ничего, — подумал Иван Петрович. — Вы ещё не знаете, что я приготовил для вас».

Он развернулся и зашагал обратно к руинам.

— — Часть 5. Последний рубеж

Вечер пятого дня Иван Петрович встретил на пепелище. Он сидел на обломке обрушенной стены, которая когда-то была частью мельницы, и смотрел на закат. Солнце садилось за холмы, окрашивая небо в багряные тона. Те же тона, что и всегда. Но теперь этот багрянец казался не символом надежды, а цветом пролитой крови.

Рядом с ним, закутавшись в старый плащ, сидела Whisper. Она держала в руках лук — тот самый, из которого стреляла по грифонам, — и молчала. Кривой Нож, выбравшись из подвала, бродил по руинам, собирая уцелевшие вещи. Его лицо было чёрным от копоти, а руки дрожали — то ли от холода, то ли от пережитого ужаса.

— Мы потеряли почти всё, — тихо сказал он, подходя к Ивану Петровичу. — Мельница разрушена. Поля выжжены. Страж мёртв. Что у нас осталось?

— У нас остались мы, — ответил Иван Петрович. — И ещё кое-что.

Он рассказал им о том, что сделал на реке. О том, как посадил «Гнилой Картофель» в ил, смешанный со спорами. О том, что теперь река, питающая всю округу, станет медленной бомбой — если он, Иван Петрович, решит её активировать.

— Но это же убьёт не только «Ястребов», — прошептал Кривой Нож. — Это убьёт всех. Всех, кто пьёт эту воду. Всех, кто живёт вниз по течению.

— Да, — спокойно ответил Иван Петрович. — Поэтому я не буду активировать его. Пока не буду. Но если Архонт снова нападёт, если он попытается добить нас... тогда у меня не останется выбора.

— Это безумие, — сказал Кривой Нож.

— Это война, — ответил Иван Петрович.

Они сидели молча, глядя на закат. Где-то вдалеке, на восточных холмах, горели костры «Ястребов». Их было много — больше, чем вчера. Видимо, к Архонту подходили подкрепления. Или те, кто раньше колебался, теперь, увидев его мощь, решили присоединиться к победителю.

— Что будем делать дальше? — спросила Whisper.

Иван Петрович долго молчал. Потом встал, отряхнул пепел с одежды и сказал:

— Будем жить. Будем работать. У нас есть семена. У нас есть знания. У нас есть гроты на севере, где можно укрыться. Мы потеряли дом — но не потеряли себя. Мы начнём сначала. Как начинали уже много раз.

— А как же Архонт? — спросил Кривой Нож.

— Архонт? — Иван Петрович усмехнулся — впервые за несколько дней. — Архонт думает, что победил. Пусть думает. Пусть празднует. Пусть строит свои планы. А мы пока... мы пока сделаем то, что умеем лучше всего.

— Что именно?

— Будем ждать, — ответил он. — Ждать, когда он допустит ошибку. А он её допустит. Все, кто слишком уверен в своей победе, рано или поздно допускают ошибку. И тогда...

Он не закончил. Но в его глазах, отражавших багряный закат, горел тот самый огонёк, который Whisper «видела» даже сквозь свою слепоту. Огонёк холодной, расчётливой, непоколебимой решимости. Огонёк человека, который потерял всё, но не сдался.

Они собрали остатки вещей и двинулись на север. Туда, где в холмах, под защитой минеральных пород, их ждали уцелевшие члены «Колхоза». Туда, где в подземных гrotах, освещённых светящимся мхом, им предстояло начать новую жизнь. Туда, где в свинцовом ящике, среди глиняных горшков и каменных плит, пульсировал зелёный огонёк — последний, самый страшный козырь старого агронома.

За их спинами, на руинах мельницы, догорали последние угли. Ветер, прилетевший с востока, поднимал в воздух серый пепел и нёс его над Кровавыми полями. Тем самым пеплом, который ещё недавно был живыми растениями, живыми существами, живой надеждой. Теперь это была просто пыль.

Но Иван Петрович знал: пепел — это не конец. Это начало. Самое лучшее удобрение — это пепел. На пепле вырастают самые сильные, самые живучие растения. Те, что прошли через огонь и не сломались. Те, что знают цену жизни, потому что смотрели в лицо смерти.

— Мы ещё вернёмся, — сказал он, останавливаясь на вершине холма и оглядываясь на то, что осталось от его фермы. — Мы обязательно вернёмся.

И в этот момент ему показалось — или он действительно увидел? — что на выжженной земле, там, где когда-то стоял Дендроид-страж, пробивается крошечный, бледно-зелёный росток. Росток, который тянулся к закатному солнцу всеми своими листочками.

— Смотри, — прошептала Whisper, которая тоже почувствовала это. — Жизнь. Жизнь возвращается.

Иван Петрович долго смотрел на этот росток. Потом развернулся и зашагал дальше. Впереди была ночь. Холодные холмы. Подземные гrotы. Неизвестность.

Но в его сердце, несмотря ни на что, горел свет.

— —

Конец главы.

Глава 2. Агония зелени

Часть 1. Тщетность защиты

Иван Петрович не спал третьи сутки. Виртуальное тело, конечно, могло обходиться без сна значительно дольше, чем реальное — спасибо щадящим настройкам нейро-интерфейса, которые разработчики когда-то ввели для самых увлеченных игроков, — но психика, нервы, воля истощались независимо от механик. Он чувствовал себя так, словно его пропустили через жернова. Каждая мышца ныла, хотя мышц в виртуальности не существовало. Каждый сустав скрипел, хотя персонаж не страдал артритом. Это была боль другого рода — фантомная, глубинная, та, что гнездится не в теле, а где-то в промежутке между сознанием и его цифровым отражением.

Он сидел в подвале, при свете единственной масляной лампы, и смотрел на разложенные перед ним глиняные таблички. Их было много — целая библиотека его агрономических изысканий, накопленная за месяцы войны. «Морозостойкость: результаты скрещивания озимой пшеницы с геном полярного мха». «Светящийся мицелий: подавление магического фона». «Тыква-мина: селективность по гильдейской ауре». «Огненная лихорадка: активация спор при контакте с магическим пламенем». Раньше эти таблички приносили ему уверенность. Теперь они выглядели как надгробные плиты. Надгробные плиты его знаний, его опыта, его стратегий, которые оказались бесполезны против того, что принес с собой Архонт.

Он взял одну из табличек — ту, что была исписана прошлой ночью, — и перечитал собственные выводы. Буквы, выведенные тыквенным семечком, прыгали в неровном свете лампы.

«Священный Огонь. Предположительно — мета-сущность, не подчиняющаяся законам стандартной игровой магии. Игнорирует резисты. Не имеет температуры в обычном понимании. Воздействует на саму концепцию органической жизни. Металлы инертны. Минералы инертны. Вода инертна, но испаряется при контакте. Вывод: защитный экран из металлической пыли или водяной завесы теоретически возможен, но практически нереализуем в масштабах фермы. Время, необходимое для создания такого экрана, превышает время, оставшееся до полного уничтожения обороны».

Он отложил табличку и потер виски. Глаза слипались, но спать было нельзя. Архонт не спал. Его грифоны не спали. «Священный Огонь» не спал. И пока там, на восточных холмах, горели костры вражеского лагеря, Иван Петрович должен был думать. Должен был искать. Должен был найти хоть что-то — хоть малейшую зацепку, хоть крошечную трещину в броне этого проклятого артефакта.

Он снова углубился в записи. Перечитал все, что знал о резистах. О магических школах. О стихийных взаимодействиях. О том, как его собственные растения адаптировались к угрозам. Одна деталь зацепила его внимание: во время вчерашней атаки, когда Архонт выжигал южное поле, зараженное остаточной радиацией «Гнилого Картофеля», произошла реакция. Священный Огонь и некротическая энергия картофеля столкнулись, и это столкновение вызвало выброс — мощный, неконтролируемый, но все же выброс. Это означало, что две силы были примерно одного порядка. Если бы Иван мог направить их друг против друга...

Он оборвал мысль. Для этого нужно было, чтобы Архонт подставился под удар. А Архонт, наученный горьким опытом, больше не подставлялся. Он держался на высоте, на безопасном расстоянии, и выжигал ферму методично, квадрат за квадратом, как тракторист на пахоте.

Он не вступал в прямой контакт. Не давал шанса для контратаки. Он был хирургом, который оперирует пациента, даже не прикасаясь к нему.

Иван Петрович вздохнул и откинулся на спинку стула. В подвале было душно. Компостный чан, обычно мерно булькавший в углу, сегодня молчал — Иван отключил его, чтобы сэкономить ресурсы. «Шёпот флоры», его верный внутренний голос, звучал приглушенно, словно через толщу воды. Растения, с которыми он был связан, слабели. Их голоса замолкали один за другим, и на их месте оставалась пустота — холодная, звенящая, как натянутая струна перед разрывом. Иван чувствовал эту пустоту почти физически. Она давила на грудь, мешала дышать, заставляла сердце биться чаще. Это было похоже на медленное умирание части его самого — как если бы ему по очереди отрезали пальцы. Или как если бы он терял детей. Одного за другим.

Он вспомнил, как когда-то давно, в реальной жизни, хоронил своего пса. Старого, верного дворнягу по кличке Трезор, который прожил с ним пятнадцать лет и умер тихо, во сне, на своей подстилке у печки. Иван тогда не плакал — мужчины не плачут, так его учили, — но чувствовал ту же пустоту. То же ощущение непоправимой потери. И сейчас, сидя в подвале виртуальной мельницы перед грудой глиняных табличек, он чувствовал то же самое. Только умноженное. Помноженное на десятки и сотни жизней, которые были частью его экосистемы. Его семьи.

В дверь тихо постучали. Иван поднял голову и увидел Whisper. Она стояла на пороге, закутанная в старый плащ, и ее лицо, обычно спокойное и отстраненное, сейчас было напряженным. Под глазами залегли тени — она тоже не спала. Ее нейро-интерфейс, как и «Шёпот флоры» Ивана, фиксировал боль растений, и эта боль передавалась ей, преобразуясь в звуки. В диссонанс. В какофонию.

— Они снова здесь, — сказала она тихо. — Я слышу их. С юга. И с запада. Архонт разделил отряд.

Иван Петрович отложил табличку и поднялся. Тело отозвалось глухой, ноющей болью, но он заставил себя выпрямиться.

— Сколько?

— Пять грифонов. Три на юге, два на западе. Архонт с ними. Я узнаю его «песню». Она стала громче. И холоднее.

Иван Петрович кивнул и направился к выходу. Наверху, на крыльце, их ждал Кривой Нож. Парень был бледен, но держался — за месяцы, проведенные на ферме, он из нескладного, вечно голодного заморыша превратился в юношу с крепкими нервами и твердой рукой. Сейчас он сжимал в руках меч — тот самый легендарный клинок, который когда-то отдал ему Эйнар, — и смотрел на горизонт. На южном краю неба, над остатками сада, кружили три темные точки. На западе, над рекой, — еще две.

— Сегодня он хочет закончить, — сказал Кривой Нож, не оборачиваясь. — Смотрите: он бьет с двух сторон. Хочет зажать нас в клещи, чтобы некуда было бежать.

— Он не знает, куда мы можем бежать, — возразил Иван Петрович. — И это наше единственное преимущество.

Он прикрыл глаза и погрузился в «Шёпот флоры». Картина, открывшаяся его внутреннему взору, была неутешительной. Растения на южном и западном периметрах были уничтожены почти полностью. Те немногие, что еще уцелели, находились в агонии — их ауры пульсировали слабым, прерывистым светом, как пламя свечи на ветру. Корни-удавки, которые Иван пытался использовать для контратаки, были мертвы. Кусты-Плеваки, еще вчера стоявшие вдоль западной стены, исчезли — на их месте зияли оплавленные проплешины. Даже Бродячий корень, его самый старый и верный хищник, тот самый, что пережил первую осаду «Ястребов» и налёт «Инквизиции», получил серьезные повреждения и теперь медленно, с трудом отползал к реке, оставляя за собой слизистый след.

Иван Петрович открыл глаза и посмотрел на восток. Там, на холмах, горели костры вражеского лагеря. Архонт, судя по всему, даже не сомневался в победе. Настолько, что оставил лагерь практически без охраны. Или, может быть, наоборот: он знал, что у Ивана не осталось сил для контратаки, и не считал нужным прятаться.

— Ладно, — сказал Иван Петрович, и его голос, против обыкновения, прозвучал глухо, без привычной ворчливой уверенности. — Раз они хотят закончить — пусть заканчивают. Но мы им эту работу облегчать не будем.

Он повернулся к Кривому Ножу.

— Беги к Эйнару. Скажи: план «Север» вступает в силу немедленно. Все, кто еще в лагере, уходят. Через лес, к гротам. Сейчас же. Припасы брать только самое необходимое. Остальное бросить.

— А ты? — спросил Кривой Нож.

— Я останусь здесь, — ответил Иван Петрович. — Мне нужно выиграть время.

— Но...

— Это приказ.

Кривой Нож хотел возразить, но что-то в глазах старика заставило его промолчать. Он развернулся и побежал к лагерю. Его фигура быстро скрылась за остатками колючей изгороди.

Иван Петрович проводил его взглядом и повернулся к Whisper.

— Ты тоже уходишь. С ними. Будешь их глазами. Если грифоны приблизятся — ты почувствуешь их раньше всех.

— Я не уйду, — тихо сказала Whisper. — Я уже говорила тебе. Я остаюсь с тобой. До конца.

— Whisper...

— Ты не можешь меня заставить, — перебила она, и в ее голосе прозвучала та же упрямая, нестигаемая нота, которую Иван слышал в голосе своей покойной жены, когда та спорила с ним о том, нужно ли засеивать дальнее поле. — Я не твой солдат. Я твоя внучка. Ты сам так сказал. А внучки не бросают дедушек.

Иван Петрович долго смотрел на нее. На это бледное, осунувшееся лицо с незрячими глазами. На этот старый плащ, который был ей велик. На ее тонкие руки, которые, однако, умели держать лук и посылать стрелы точно в цель. И что-то в его душе, что было сжато и напряжено последние несколько дней, вдруг немного расслабилось. Не от облегчения — от благодарности. От осознания, что он не один. Что даже сейчас, на краю гибели, рядом с ним есть кто-то, кто верит в него.

— Хорошо, — сказал он. — Но если я прикажу уйти — ты уйдешь. Без возражений. Договорились?

— Договорились, — ответила она.

— Тогда — за мной.

Они спустились с крыльца и быстрым шагом направились к тому месту, где раньше стояла Стена Плоти, а теперь зияла оплавленная прореха. Иван Петрович шел, опираясь на тятку — свою неизменную спутницу, свою единственную защиту, свое оружие, которое не могло нанести урон. Он знал, что тятка бесполезна против «Священного Огня». Но он не мог оставить ее. Так же, как не мог оставить мельницу. Так же, как не мог оставить эту землю.

Они почти дошли до прорехи, когда Whisper вдруг остановилась и резко повернула голову к югу.

— Они начали, — сказала она. — Я слышу. Это... это не так, как вчера. Сегодня они атакуют по-другому. Не сплошной линией. Точно.

Иван Петрович замер и прислушался к «Шёпоту флоры». И то, что он услышал, заставило его похолодеть.

Архонт изменил тактику.

Если вчера и позавчера он выжигал поля сплошными квадратами, как пахарь на тракторе, то сегодня он действовал иначе. Его грифоны заходили на цели точно, нанося короткие, хирургически точные удары по узлам, которые «Шёпот флоры» идентифицировал как ключевые элементы обороны. Удар — и замолкал один из оставшихся Кустов-Плевак. Еще удар — и обрывалась связь с корнем-удавкой, затаившимся у реки. Еще удар — и исчезал Светящийся мицелий, который Иван использовал для маскировки. Архонт бил не по площадям — он бил по нервам. Он вырезал остатки обороны с точностью нейрохирурга, удаляющего опухоль.

— Он видит мою сеть, — прошептал Иван Петрович. — Он как-то видит «Шёпот флоры». Отслеживает сигналы. Поэтому он знает, куда бить.

— Откуда? — спросила Whisper. — Как он может видеть то, что видишь ты?

Иван Петрович не ответил. Он уже догадывался, в чем дело. После вчерашней атаки, когда Архонт уничтожил Золотую пшеницу, «Шёпот флоры» на этом участке прервался, как перерезанный нерв. Но прежде чем прерваться, он послал мощный импульс — крик боли, который неизбежно должен был отразиться в эфире. Архонт, со своей «Искрой Священного Огня», мог уловить этот импульс. Мог отследить его до источника. Мог составить карту всей корневой сети. И теперь, вооруженный этой картой, он планомерно уничтожал ее узел за узлом.

— Надо уходить, — сказал Иван Петрович. — Сейчас же. Здесь мы ничего не сделаем.

Они повернули обратно к мельнице, но не успели сделать и нескольких шагов, как над головой раздался пронзительный крик. Грифон — один из тех, что атаковали с запада, — сделал вираж и спикировал прямо на них. Иван Петрович успел заметить всадника: молодой парень, почти мальчишка, в доспехах, явно великоватых ему, с осколком «Искры» в поднятой руке. Его лицо, еще недавно, вероятно, бывшее веселым и беззаботным, сейчас было перекошено смесью страха и решимости. Он боялся — но выполнял приказ.

— Ложись! — крикнул Иван Петрович, падая на землю и увлекая за собой Whisper.

Луч «Священного Огня» ударил в то место, где они только что стояли. Земля вспучилась и мгновенно остекленела, превратившись в черное, блестящее зеркало. От жара — или того, что заменяло жар в этой неестественной стихии, — у Ивана перехватило дыхание. Он почувствовал, как кожа на лице натянулась и начала печь, хотя луч прошел в нескольких метрах от него.

Грифон, сделав круг, снова пошел на заход. Всадник, видимо, решил, что одного удара недостаточно, и теперь готовился нанести второй — на этот раз прицельный.

Но Whisper оказалась быстрее.

Она вскочила на ноги, натянула тетиву и выпустила стрелу — всё в одно слитное, отточенное движение. Стрела, пущенная с точностью, которую мог дать только нейро-интерфейс, работающий напрямую с мозгом, вонзилась в незащищенное горло грифона — туда, где перья сменялись мягкой, уязвимой кожей. Грифон издал короткий, булькающий крик и начал падать. Всадник, потеряв управление, закричал и попытался выровнять полет, но было поздно. Через несколько секунд грифон рухнул где-то за деревьями, и раздался глухой удар, за которым последовала тишина.

— Есть, — выдохнула Whisper, опуская лук. Ее руки дрожали — то ли от напряжения, то ли от осознания того, что она только что сделала.

— Молодец, — коротко сказал Иван Петрович, поднимаясь. — Но расслабляться рано. Слышишь?

Whisper прислушалась. С юга, со стороны сада, доносились новые крики — на этот раз не грифонов, а людей. Это Архонт, заметив падение одного из своих, направил удар на тот участок, откуда прилетела стрела.

— Бежим, — скомандовал Иван Петрович. — В подвал. Быстро!

Они бросились к мельнице. За их спинами раздался нарастающий гул — это луч «Священного Огня» вгрызался в землю, оставляя за собой полосу оплавленного стекла. Иван Петрович, задыхаясь, ввалился в дверь и скатился по лестнице в подвал. Whisper — за ним. Наверху что-то грохнуло, и с потолка посыпалась каменная крошка.

— Он бьет по мельнице! — крикнул Кривой Нож, который уже был в подвале. Он стоял у дальней стены, прижимая к груди несколько глиняных горшков с рассадой, и его глаза были широко открыты от ужаса. — Вся крыша... она сейчас рухнет!

— Не рухнет, — ответил Иван Петрович, хотя сам не был в этом уверен. — Стены каменные, выдержат. По крайней мере, какое-то время.

Он подошел к столу и быстро оглядел разложенные таблички. Времени на то, чтобы забрать все, не было. Он схватил несколько самых важных — те, на которых были записаны формулы генетических модификаторов и схема «Гнилого Картофеля», — и сунул их в заплочный мешок. Потом повернулся к свинцовому ящику в углу.

— Помоги, — приказал он Кривому Ножу.

Вдвоем они подняли тяжелый ящик и потащили его к запасному выходу — узкому лазу, который вел в дренажную канаву. Whisper стояла у лестницы, вслушиваясь в шум наверху. Ее лицо было напряжено.

— Он возвращается, — сказала она. — Я слышу его. Архонт. Он летит прямо сюда. Его песня... она очень громкая. И очень холодная.

Иван Петрович, не оборачиваясь, продолжал толкать ящик. Лаз был тесным, и ящик застревал, царапая свинцовыми боками каменные стены. Пахло сыростью, землей и чем-то еще — тем самым сладковатым запахом, который всегда сопровождал его растения. Сейчас этот запах был едва уловимым, но он все еще держался. Как последнее напоминание о том, что здесь было.

— Готово, — выдохнул он, проталкивая ящик в дренажную канаву. — Теперь уходим.

— А как же остальные? — спросил Кривой Нож, оглядываясь на полки с горшками и пробирками, которые они оставляли.

— Остальное — просто вещи, — ответил Иван Петрович, хотя каждое слово давалось ему с трудом. — Семена при нас. Знания при нас. А железо и глина... это восстановимо. Люди — нет. Уходим.

Он уже собирался лезть в лаз, когда «Шёпот флоры» вдруг взорвался криком. Не болью — предупреждением. Одно из растений — кажется, последний уцелевший Куст-Плевак у восточной стены — передало образ. Образ грифона, который заходил на мельницу с той стороны, откуда его не ждали. Образ Архонта, который поднял руку, и в его ладони разгоралась Искра. Образ луча, который уже начал свой путь к крыше.

— Назад! — заорал Иван Петрович, оттаскивая Whisper от лестницы.

И в тот же миг грохнуло.

Этот звук был не похож на взрыв. Скорее — на обвал. Наверху что-то затрещало, заскрежетало, и в подвал, через лестничный проем, хлынул ослепительный белый свет. Не огонь — свет. Он был холодным, безжалостным и абсолютно, невыносимо ярким. Иван Петрович зажмурился и прикрыл лицо рукой. Рядом вскрикнула Whisper — ее нейро-интерфейс, должно быть, зашкалило от такого количества визуальной информации.

Свет продержался несколько секунд, а потом погас. И наступила тишина. Такая глубокая, такая полная, что Иван слышал, как бьется его собственное сердце. Или это билось сердце мельницы? Он не мог разобрать.

Он открыл глаза и поднял голову. Лестничный проем, который только что вел наверх, был завален обломками. Каменная кладка, деревянные балки, черепица — все это спеклось в одну монолитную массу, которая светилась тусклым, угасающим жаром. Выход был отрезан.

— Мы замурованы, — прошептал Кривой Нож. — Мы... мы не можем выйти.

— Можем, — ответил Иван Петрович, поднимаясь. — Через дренаж. Он ведет к реке. Там мы выберемся.

Он помог Whisper подняться и подтолкнул ее к лазу.

— Ты первая. Мы за тобой.

Она, не возражая, нырнула в темноту. За ней последовал Кривой Нож. Иван Петрович задержался на мгновение. Он обвел взглядом подвал — то, что от него осталось. Стол, заваленный обломками. Полки, рухнувшие на пол. Компостный чан, разбитый вдребезги. И масляную лампу, которая чудом уцелела и все еще горела ровным, спокойным светом.

Он взял лампу и шагнул в лаз.

Часть 2. Паника и потери

Дренажная канава тянулась от мельницы до реки и обычно была сухой — Иван Петрович использовал ее для отвода лишней воды во время затяжных дождей. Сейчас, осенью, дождей не было, и канава представляла собой узкий, извилистый проход, по дну которого можно было передвигаться, пригибая голову. Пахло тиной, сырой землей и слабым, едва уловимым запахом спор — тех самых, что Иван рассадил по всей территории фермы.

Whisper двигалась первой. Ее нейро-интерфейс рисовал картину мира через звуки, и сейчас эта картина была полна тревожных сигналов. Где-то наверху, на поверхности, еще горели остатки мельницы. Где-то в небе кружили грифоны. А где-то в лагере «Колхоза», который они миновали под землей, судя по звукам, царил хаос. Крики. Топот. Плач.

Иван Петрович, пригнувшись, пробирался следом за Whisper. Лампа, которую он нес в руке, отбрасывала на стены дрожащие тени. Впереди маячила спина Кривого Ножа — тот, согнувшись в три погибели, тащил свинцовый ящик. Ящик был тяжелым даже в виртуальности, но Кривой Нож не жаловался. Он вообще перестал жаловаться с тех пор, как началась «Пепельная неделя».словно весь его юношеский maximalism, вся его склонность к панике и нытью сгорели в первом же луче «Священного Огня». Теперь это был другой человек — молчаливый, сосредоточенный, смертельно уставший.

— Стой, — вдруг сказала Whisper, останавливаясь. — Я слышу людей. Там, впереди. Много людей. Они... они бегут.

Иван Петрович прислушался. Через «Шёпот флоры» он уловил то, о чем говорила Whisper: наверху, на границе лагеря, царила паника. Люди — члены «Колхоза», те самые, кого он пытался защитить, — бежали. Кто-то на север, к лесу, как и было приказано. Кто-то — на восток, в открытое поле, прямо под лучи «Священного Огня». А кто-то просто застыл на месте, парализованный страхом, и ждал смерти.

— Надо их вывести, — сказал он. — Я поднимусь наверх.

— Нет! — Whisper схватила его за руку. — Там грифоны. Я слышу их. Очень близко. Если ты выйдешь сейчас, ты умрешь.

— Если я не выйду, умрут они.

Он осторожно высвободил руку и, подтянувшись, выбрался из канавы. Перед ним открылась картина, которую он не забудет до конца своих дней — ни в виртуальном, ни в реальном мире.

Лагерь «Колхоза» был объят хаосом. Палатки горели. Те, что не горели, были опрокинуты и растоптаны. Телеги с припасами валялись на боку, и из них высыпались мешки с зерном и овощами — последние остатки того урожая, который Иван выращивал с такой любовью. Повсюду метались люди — одни с узлами, другие с оружием, третьи без ничего, просто бегущие в слепой, животной панике. Крики, плач, ругань сливались в один протяжный, душераздирающий гул.

И над всем этим, в сером, затянутом дымом небе, кружили грифоны. Они не атаковали — пока. Они ждали. Ждали, когда паника достигнет пика, когда люди собьются в кучу, чтобы ударить наверняка. Иван Петрович знал этот тактический прием. Он сам когда-то использовал его — не против людей, против вредителей. Споры «Сладкой Ваты», которые погружали врагов в эйфорию, действовали по тому же принципу: создать хаос, а потом добить оставшихся.

— Эйнар! — заорал он, пытаясь перекричать шум. — Эйнар, где ты?!

Ответа не было. Только грохот и крики.

Он побежал через лагерь, лавируя между горящими палатками и опрокинутыми телегами. Его легкие (виртуальные, но ощущавшиеся как настоящие) жгло от дыма. Глаза слезились. Но он бежал — старый, сгорбленный, с тляпой в одной руке и масляной лампой в другой, — и искал своих людей.

Первым он нашел Рейнджера. Тот стоял у опрокинутой телеги, прижимая к груди раненого — одного из своих следопытов, молодого парня, которому осколком стекла рассекло ногу. Рейнджер был бледен, его губы сжаты в тонкую линию, но он сохранял спокойствие. Только глаза выдавали его — в них горела та же беспомощная ярость, что и у Ивана.

— Агроном... — начал он, но Иван перебил:

— Знаю. Видел. Где Эйнар?

— На северном краю. Собирает людей для эвакуации. Но там... — Рейнджер запнулся. — Там плохо. Люди паникуют. Они не слушаются приказов. Я пытался их построить, но они... они просто бегут. Куда глаза глядят. Некоторые прямо в поле, под этот проклятый луч.

— Дай мне свой лук, — приказал Иван Петрович.

Рейнджер, не колеблясь, протянул ему лук и колчан. Иван Петрович не был стрелком. Он вообще не умел обращаться с оружием — его класс «Мирный житель» не позволял наносить прямой урон игрокам. Но лук был нужен ему не для стрельбы.

Он поднял лук над головой и выстрелил в воздух. Стрела взвилась в небо, оставляя за собой светящийся след — Рейнджер, как все хорошие следопыты, использовал зачарованные стрелы, — и с громким хлопком разорвалась в воздухе, рассыпавшись сотнями зеленых искр.

Это был условный сигнал. Сигнал сбора. Сигнал, который они с Эйнаром придумали на случай крайней опасности — тогда, когда голос уже не мог перекрыть шум битвы.

Эффект был мгновенным. Люди, только что бежавшие в слепой панике, остановились. Они подняли головы к небу, где еще догорали зеленые искры, и замерли, ожидая приказа. И в этой внезапной, звенящей тишине раздался голос Эйнара:

— Ко мне! Все ко мне! Строиться в колонну! Женщин и детей в центр! Мужчины — по флангам! Кто может держать оружие — прикрывайте отход! Быстро!

Иван Петрович, не опуская лука, смотрел, как его люди — те, кого он когда-то подобрал голодными и отчаявшимися, — собираются в организованную колонну. Это было похоже на чудо. Только что они были стадом перепуганных животных, а теперь — пусть потрепанной, пусть израненной, но все же армией.

Эйнар, огромный и мрачный, шагал вдоль строя, отдавая короткие, рубленые приказы. Его доспехи, еще недавно сиявшие, были покрыты копотью и пылью. Его легендарный меч, который он когда-то отдал Кривому Ножу, а потом взял обратно, висел у пояса. Но сейчас Эйнар не обнажал его. Он знал: меч против «Священного Огня» бесполезен. Единственное оружие, которое у них оставалось, — это дисциплина.

— Агроном! — крикнул он, заметив Ивана Петровича. — Мы уходим! Люди почти все здесь. Но есть проблема.

— Какая?

— Двое на восточном поле. Я послал за ними, но они не успели добежать. Грифоны... они кружат прямо над ними. Я не могу отправить туда еще людей — это верная смерть.

Иван Петрович посмотрел на восточное поле. Там, среди оплавленных проплешин и дымящихся воронок, метались две фигуры. Одна — женщина, судя по одежде, одна из поварих, которые пришли на ферму в начале голода. Вторая — ребенок. Мальчик лет десяти, сын одного из ремесленников. Они бежали к лесу, но грифон, заметив их, уже заходил на пике.

— Я отвлеку его, — сказал Иван Петрович.

— Чем?! — Эйнар в изумлении уставился на него. — У тебя же нет оружия!

— У меня есть кое-что другое.

Он развернулся и побежал обратно к дренажной канаве. У лаза его ждала Whisper. Она стояла, прижавшись спиной к земляной стене, и ее лицо было белым как мел. Она слышала все — крики, взрывы, гул грифонов — и ее нейро-интерфейс рисовал картину ада, который творился наверху.

— Ты куда?! — крикнул Кривой Нож, видя, что Иван Петрович не собирается лезть обратно в канаву.

— Отвлекать, — коротко бросил Иван. — Whisper, ты со мной. Мне понадобятся твои уши.

Она, не задавая вопросов, выбралась из канавы и встала рядом. Иван Петрович закрыл глаза и полностью погрузился в «Шёпот флоры».

Он искал хоть что-то живое на восточном поле. Что-то, что еще могло реагировать на его приказы. Большинство растений были мертвы — их ауры погасли, и на их месте зияла пустота. Но кое-что уцелело. Там, у самой опушки леса, сохранился небольшой участок Светящегося мицелия — того самого, который он использовал для создания маскировочного поля. И еще дальше, у реки, прятался Бродячий корень — израненный, полумертвый, но еще живой.

Иван Петрович приказал мицелию активироваться. Споры, повинаясь его воле, начали подниматься в воздух, образуя густое, светящееся облако. Оно было не таким плотным, как раньше, — слишком мало осталось спор, слишком слаб был сигнал, — но достаточным, чтобы привлечь внимание грифона.

Грифон, заходивший на женщину и ребенка, заметил облако и изменил курс. Его всадник — тот самый молодой парень, которого Иван видел утром, — решил, что облако представляет большую угрозу, чем двое безоружных людей. Он направил грифона на споры, и луч «Священного Огня» ударил по облаку, мгновенно рассеяв его.

Но этого мгновения хватило. Женщина и ребенок добежали до леса и скрылись под кронами деревьев.

— Есть, — выдохнул Иван Петрович.

— Он возвращается, — сказала Whisper. — Грифон. Он... он летит сюда.

Иван Петрович поднял голову. Грифон, развернувшись, действительно направлялся к ним. Всадник, разъяренный тем, что его отвлекли от цели, поднял руку, и в его ладони загорелся белый огонь.

— В канаву! — заорал Иван Петрович, хватая Whisper за плечо и толкая ее вниз. — Живо!

Они кубарем скатились в дренажную канаву за мгновение до того, как луч ударил в то место, где они только что стояли. Земля над их головами задрожала и начала оплывать, превращаясь в стекло. Запахло озоном и чем-то еще — тем самым металлическим запахом, который сопровождал каждый удар «Священного Огня».

— Все целы? — спросил Иван Петрович, переводя дыхание.

— Кажется, да, — ответил Кривой Нож, помогая Whisper подняться. — Но выхода больше нет. Канавы обвалилась.

Иван Петрович огляделся. Кривой Нож был прав: проход, по которому они только что шли, был завален оплавленной землей. Единственный путь теперь лежал вперед — туда, где канава выходила к реке.

— Тогда идем вперед, — сказал он. — Другого выхода все равно нет.

Они двинулись дальше. Идти становилось все труднее: канава сужалась, и свинцовый ящик цеплялся за стены. Кривой Нож, тащивший его, хрипел от напряжения, но не останавливался. Whisper, шедшая первой, вслушивалась в шум наверху.

— Грифоны улетают, — сказала она вдруг. — Я слышу: они возвращаются к холмам. Архонт... его песня удаляется.

— Значит, они закончили, — мрачно произнес Иван Петрович. — Сделали то, что планировали. Теперь будут праздновать.

— А мы? — спросил Кривой Нож.

— А мы будем жить, — ответил Иван Петрович. — Это лучшая месть.

Они выбрались к реке через час. Солнце уже клонилось к закату, и его багровые лучи окрашивали воду в цвет крови. Иван Петрович, выбравшись из канавы, огляделся. Река, еще вчера бывшая полноводной и живой, сегодня обмелела и потемнела. Ее берега были покрыты серым налетом — пеплом, который принес ветер с горящих полей. Кое-где на поверхности воды плавали дохлые рыбы — результат вчерашнего удара, когда Архонт выжег прибрежные заросли.

Но не это заставило его замереть. У самой кромки воды, в иле, виднелись слабые зеленоватые пузыри. Они поднимались со дна, лопались на поверхности и оставляли после себя тонкую, маслянистую пленку. Это был его «Гнилой Картофель». Тот самый, который он посадил в ил несколько дней назад. Он рос. Медленно, но верно.

— Что это? — спросил Кривой Нож, проследив за его взглядом.

— Надежда, — ответил Иван Петрович. — Или проклятие. Смотря как посмотреть.

Он не стал объяснять подробнее. Вместо этого он приказал двигаться дальше — на север, к гротам, где их ждали уцелевшие.

Часть 3. Жертва Стража

Они добрались до северных холмов, когда уже совсем стемнело. Переход через лес, еще недавно бывший смертельной ловушкой для врагов, а теперь ставший убежищем для его создателя, прошел на удивление спокойно. Архонт, видимо, решил, что на сегодня хватит. Или, может быть, он просто не хотел рисковать: Священный Огонь, при всей своей мощи, требовал перезарядки, а его всадники, прошедшие целый день в воздухе, нуждались в отдыхе. Так или иначе, грифоны улетели на восточные холмы, и над лесом воцарилась тишина — глубокая, зловещая, но все же тишина.

Вход в подземные гроты находился у подножия скалистого утеса, поросшего старыми, искривленными соснами. Иван Петрович разведal это место несколько месяцев назад, когда еще только начинал готовиться к худшему, и с тех пор держал его в тайне даже от ближайших соратников. Три больших валуна, сложенных в форме арки, отмечали вход. За ними открывался узкий проход, ведущий вниз, в естественную пещеру, которую Иван расширил и укрепил с помощью корней-удавок и хитиновых пластин, оставшихся от первой линьки Дендро-ида-стража.

Сейчас, у входа в пещеру, горел небольшой костер, и вокруг него сидели уцелевшие. Их было меньше, чем Иван ожидал, — около двадцати человек. Эйнар, мрачный и молчаливый, стоял у огня, скрестив руки на груди. Рейнджер, с перевязанной рукой, сидел на камне и точил нож. Несколько женщин и детей жались друг к другу, пытаясь согреться. Остальные — бывшие танки, маги, ремесленники — сидели поодаль, молча глядя в темноту. Их лица были серыми от усталости и копоты. Никто не разговаривал. Никто не жаловался. Все просто ждали.

Когда Иван Петрович, Whisper и Кривой Нож вышли из леса, Эйнар поднял голову и коротко кивнул.

— Добрались.

— Добрались, — подтвердил Иван Петрович. — Где остальные?

Эйнар помолчал. Потом ответил — глухо, негромко:

— Не все дошли. Пятеро потерялись в лесу. Еще трое остались... там. — Он неопределенно махнул рукой в сторону фермы. — Не захотели уходить. Я пытался их уговорить, но они сказали, что лучше умрут на своей земле, чем будут прятаться в норах. Я... я не стал их заставлять.

Иван Петрович ничего не ответил. Он смотрел на лица уцелевших — на этих женщин, которые еще вчера пекли хлеб и варили похлебку, на этих мужчин, которые еще вчера пахали землю и чинили изгороди, — и чувствовал, как к горлу подступает ком. Он хотел сказать им что-то ободряющее. Что-то о том, что они выстояли, что они сильнее, что они еще вернутся. Но слова не шли. Потому что он знал: сегодня они потеряли не просто ферму. Они потеряли дом. Они потеряли друзей. Они потеряли веру. И он, Иван Петрович, их лидер, их защитник, их «дед», не смог этому помешать.

— Ладно, — сказал он наконец. — Разводите костры. Готовьте ужин. Кто ранен — к Рейнджеру, он поможет. Остальным — спать. Завтра будет долгий день.

Люди, не говоря ни слова, начали расходиться. Иван Петрович остался у входа в пещеру, глядя на темнеющее небо. Где-то там, за холмами, горели костры «Ястребов». Где-то там Архонт, сидя в своем шатре, праздновал победу. А где-то там, на руинах мельницы, медленно остывало то, что еще утром было его домом.

Whisper подошла и встала рядом. Она не говорила — просто стояла, прижавшись плечом к его плечу. И в этом молчании было больше поддержки, чем в любых словах.

— Завтра он вернется, — тихо сказала она. — Я знаю. Я слышала его песню. Она не успокоилась. Она стала еще громче.

— Я знаю, — ответил Иван Петрович. — Но завтра будет завтра. А сегодня...

Он не закончил. Потому что в этот момент «Шёпот флоры» донес до него сигнал, который заставил его замереть.

Это был не сигнал тревоги. Не сигнал боли. Это было что-то другое — что-то, что он не чувствовал с тех пор, как погиб Страж. Слабое, едва уловимое присутствие. Как будто кто-то очень далеко, на самой границе восприятия, тихо звал его.

Иван Петрович закрыл глаза и полностью погрузился в «Шёпот флоры». Он потянулся к этому сигналу, пытаясь понять его источник. И когда он его нашел, его сердце екнуло.

Это был Страж.

Нет, не тот Страж, который погиб вчера, закрыв мельницу своим телом. И не тот, который был уничтожен «Священным Огнем» во время первой атаки. Это был кто-то другой — маленький, слабый, едва живой. Росток. Крошечный, бледно-зеленый росток, который пробивался из земли на том самом месте, где упал его старший брат.

— Что случилось? — спросила Whisper, почувствовав его волнение.

— Он жив, — прошептал Иван Петрович. — Точнее... он рождается заново. Там, на пепелище. От корня, который уцелел под землей.

— Мы можем его спасти?

Иван Петрович открыл глаза и посмотрел на восток — туда, где в темноте угадывались руины его фермы.

— Я должен попытаться.

— Это слишком опасно, — вмешался Эйнар, который слышал разговор. Он подошел и встал перед Иваном, загородив собой проход. — Если ты пойдешь туда сейчас, Архонт тебя заметит. Даже если не заметит — его патрули наверняка еще там. А если ты погибнешь...

— он замолчал, подбирая слова. — Если ты погибнешь, Агроном, всё кончено. Ты — наша последняя надежда. Ты это понимаешь?

— Понимаю, — ответил Иван Петрович. — Но и ты пойми: там, на пепелище, умирает мой... — он запнулся, подбирая слово. «Сын»? «Творение»? «Друг»? Ни одно из этих слов не могло передать того, кем был для него Дендроид-страж. — Там умирает часть меня, — закончил он. — И если я не попытаюсь ее спасти, я никогда себе этого не прощу.

Эйнар долго смотрел на него. Потом вздохнул и отступил в сторону.

— Я пойду с тобой.

— Нет, — покачал головой Иван Петрович. — Ты нужен здесь. Присмотри за людьми. Если я не вернусь к рассвету — ты знаешь, что делать.

Он повернулся к Whisper:

— А ты...

— Я иду с тобой, — твердо сказала она. — Даже не пытайся спорить.

Иван Петрович хотел возразить, но что-то в ее голосе заставило его промолчать. Он только кивнул и зашагал в темноту.

Они шли через лес почти в полной темноте. Луна была скрыта облаками, но Whisper, ведомая нейро-интерфейсом, двигалась уверенно, как будто для нее не существовало понятия «темнота». Иван Петрович следовал за ней, ориентируясь на «Шёпот флоры» — слабый, пульсирующий сигнал, который становился все громче по мере приближения к ферме.

Лес, еще недавно бывший полноправным хозяином этой территории, теперь был мертв. Споры Светящегося мицелия, которые раньше окутывали стволы деревьев мягким, зеленоватым сиянием, погасли. Мох, покрывавший корни, высох и рассыпался серой пылью. Даже воздух здесь был другим — спертым, тяжелым, с привкусом гари и металла. «Священный Огонь» уничтожил не только растения — он уничтожил саму экосистему. Он выжег жизнь из каждого уголка, до которого смог дотянуться.

Они вышли к руинам мельницы около полуночи. То, что предстало их глазам (и ушам Whisper), было картиной абсолютного, бескомпромиссного разрушения. Мельница, простоявшая на этом месте больше года, превратилась в груды оплавленных камней и обугленных балок. Крылья, которые когда-то вращались на ветру, лежали на земле, разбитые и искореженные. Крыльцо, на котором Иван провел столько вечеров с кружкой травяного отвара, было срезано лучом, как ножом. От сада, окружавшего мельницу, не осталось и следа — только черная, спекшаяся земля.

Иван Петрович медленно, очень медленно обошел руины. Его ноги подгибались, но он заставлял себя идти. Он должен был увидеть все. Каждый уничтоженный куст. Каждую сгоревшую грядку. Каждый труп — человеческий или растительный. Это была его земля. Его дом. И он не мог отвернуться.

— Я чувствую его, — тихо сказала Whisper. Она стояла на том месте, где раньше была восточная стена мельницы, и указывала рукой на груды обломков. — Там. Под камнями. Он еще жив.

Иван Петрович подошел и начал разгребать обломки. Камни были тяжелыми, оплавленными, с острыми, как бритва, краями. Он поранил руки, но не обращал на это внимания. Через несколько минут он откопал то, что искал.

Это был росток. Крошечный, бледно-зеленый, с двумя тонкими, почти прозрачными листочками. Он пробивался из трещины в земле — той самой, которая образовалась, когда Страж рухнул на мельницу, прикрывая ее собой. Росток был слабым, едва живым, но он рос. Он тянулся к небу, туда, где раньше светило солнце, а теперь висели тяжелые, свинцовые облака.

Иван Петрович опустился на колени перед ростком. Его руки, обычно такие твердые и уверенные, сейчас дрожали. Он осторожно, почти нежно, коснулся листочка — и через «Шёпот флоры» почувствовал ответ. Слабый, как дуновение ветра, но настоящий.

«ОТЕЦ».

— Да, — прошептал Иван Петрович. — Да, это я. Я здесь.

— Нам нужно уходить, — сказала Whisper, и в ее голосе прозвучала тревога. — Я слышу грифона. Он кружит над восточным полем. Нас могут заметить.

Иван Петрович кивнул. Он бережно выкопал росток вместе с комом земли, завернул его в полу своего плаща и встал.

— Уходим.

Они двинулись обратно к лесу, но не успели пройти и сотни метров, как небо над ними осветилось вспышкой. Ослепительный белый свет, прорезавший облака, ударил в землю метрах в пятидесяти от них — туда, где стояла оплавленная стена бывшего сарая. Сарай исчез мгновенно, превратившись в облако серого пепла.

Архонт вернулся. Он, как опытный хищник, почуял добычу и теперь кружил над руинами, высматривая нарушителей.

— Бежим! — крикнул Иван Петрович, хватая Whisper за руку.

Они бросились к лесу. За их спинами раздался еще один удар — на этот раз ближе. Земля задрожала, и Ивана обдало волной жара (или того, что заменяло жар в «Священном Огне»). Он споткнулся, упал, но Whisper рывком подняла его на ноги, и они побежали дальше.

До спасительной темноты леса оставалось всего несколько метров, когда Иван Петрович вдруг понял, что они не успевают. Грифон Архонта заходил на третий круг, и на этот раз луч должен был ударить прямо по ним. «Шёпот флоры» кричал об опасности, но Иван знал: бежать некуда. Слишком открытое место. Слишком мало времени.

И тогда это случилось.

Земля под ногами Ивана Петровича вдруг вздыбилась. Из-под слоя пепла и обломков вырвался корень — толстый, мясистый, покрытый слизью. Он был похож на тех корней-удавок, которых Иван использовал для защиты, но крупнее, мощнее, живее. Корень взметнулся вверх на немыслимую высоту, заслоняя собой беглецов. И в тот же миг, когда луч «Священного Огня» ударил в него, корень... запел.

Это был тот самый голос, который Whisper всегда называла «доброй песней». Низкий, глубокий, вибрирующий гул, похожий на звук органа. Он заполнил собой всё пространство, заглушая и треск пламени, и крики грифонов, и стук собственного сердца. Иван Петрович, застыв на месте, смотрел, как его Страж — его мертвый, сгоревший, погибший Страж — снова бросается в бой.

Священный Огонь ударил по корню, и тот начал исчезать — как исчезало всё, к чему прикасался этот проклятый луч. Кора, только что бывшая прочной, как сталь, рассыпалась серым пеплом. Внутренние волокна, обнажившись, вспыхнули и тут же погасли, превратившись в невесомую пыль. Но корень продолжал расти — из-под земли появлялись новые и новые отростки, и каждый из них принимал удар на себя, закрывая собою создателя.

Иван Петрович видел, как из-под обломков мельницы вылезает огромное, искалеченное, но все еще живое древесное ядро. Оно пульсировало, как сердце, и от него расходились во все стороны корни — те самые, что сейчас сражались с «Священным Огнем». Страж не погиб. Он был смертельно ранен, его тело было уничтожено, но его сердце — живучее, упрямое, невероятное — сохранилось под землей и теперь, в последнем, отчаянном усилии, поднялось на защиту своего отца.

— Нет! — закричал Иван Петрович. — Нет, не надо! Ты же погибнешь!

Но корень не слушал. Он продолжал расти, разбрасывая вокруг себя комья спекшейся земли и обломки камней. Его отростки, жертвуя собой, перехватывали лучи «Священного Огня», давая Ивану и Whisper драгоценные секунды, чтобы добежать до леса.

Whisper, схватив Ивана за руку, потащила его к деревьям. Он сопротивлялся — он не хотел уходить, не хотел бросать Стража, не хотел снова видеть, как его творение умирает. Но Whisper была сильнее, чем казалась. Она буквально втащила его под кроны деревьев, где луч «Священного Огня» уже не мог их достать.

— Стой! — крикнула она. — Если ты пойдешь обратно, ты умрешь! А если ты умрешь — его жертва будет напрасной!

Иван Петрович замер. Он стоял на краю леса, прижимая к груди росток, завернутый в плащ, и смотрел, как его Страж принимает последний бой.

Это была агония. Корни, вылезавшие из-под земли, становились все тоньше и слабее. Древесное ядро пульсировало все медленнее. Свет в его центре, тот самый желтый свет, который Иван помнил с первого дня его жизни, тускнел с каждым ударом. Но даже умирая, Страж продолжал сражаться. Он перехватил еще один луч, предназначенный для беглецов. Еще один. Еще. А потом наступил момент, когда корни перестали расти.

Луч «Священного Огня» ударил в древесное ядро — прямо в центр, прямо в сердце. Раздался звук, похожий на звон разбитого стекла, и свет погас. «Шёпот флоры» зафиксировал пустоту. Абсолютную, звенящую, окончательную пустоту в том месте, где только что билось сердце Стража.

Иван Петрович закричал.

Это был не крик тактика, не крик командира, отдающего приказы. Это был крик отца, потерявшего сына. Он кричал так, что срывал голос, так, что слезы текли по его лицу, а он даже не замечал этого. Он вырывался из рук Whisper, пытаясь бежать обратно, к тому месту, где только что погиб его Страж, но она держала его крепко.

— Не надо, — шептала она, хотя ее собственное лицо было мокрым от слез. — Не надо, дедушка. Пожалуйста. Он ушел. Ты ничего не можешь сделать.

Постепенно, очень постепенно, Иван Петрович затих. Его плечи опустились, руки, сжимавшие росток, разжались. Он стоял на коленях в грязи, под холодным, равнодушным небом, и смотрел на руины своей жизни. Мельница была уничтожена. Поля выжжены. Страж мертв. Всё, что он строил, всё, что он любил, всё, во что он вкладывал душу, — всё исчезло. Остался только он. И этот крошечный росток в его ладонях.

— Пойдем, — тихо сказала Whisper. — Пойдем отсюда. Пожалуйста.

Иван Петрович медленно поднялся. Его лицо, еще минуту назад искаженное горем, стало другим. Холодным. Решительным. Он больше не плакал. Он больше не кричал. Он принял боль и похоронил ее глубоко внутри себя, туда, где она не могла помешать ему действовать.

— Да, — сказал он. — Пойдем.

И они пошли.

Часть 4. Бегство в дзот

Обратный путь к северным холмам проходил в полной тишине. Whisper, ведомая нейроинтерфейсом, шла впереди, выбирая дорогу между мертвыми деревьями и обугленными пнями. Иван Петрович следовал за ней, прижимая к груди росток и свинцовый ящик, который они подобрали у выхода из канавы. Кривой Нож, дожидавшийся их у опушки леса, молча присоединился к процессии. Он не задавал вопросов — достаточно было одного взгляда на лицо старика, чтобы понять: что-то страшное случилось. Что-то, о чем лучше не спрашивать.

Они вернулись в гроты незадолго до рассвета. У входа их встретил Эйнар. Он сидел у костра, не смыкая глаз, и, заведя путников, молча поднялся.

— Получилось? — спросил он.

Иван Петрович, не отвечая, развернул полу плаща и показал росток. Эйнар долго смотрел на него — на эти бледные, почти прозрачные листочки, на этот хрупкий стебель, который едва держался в коме земли. Потом кивнул — коротко, скупое, по-солдатски.

— А Страж?

Иван Петрович покачал головой. Эйнар всё понял. Он не стал больше спрашивать.

В пещере было холодно и сыро. Светящийся мох, который Иван когда-то пересадил сюда для освещения, давал тусклый, мерцающий свет, достаточный, чтобы различать лица, но недостаточный, чтобы разогнать тени. Уцелевшие члены «Колхоза» спали вповалку, завернувшись в плащи и одеяла. Кто-то тихо плакал во сне. Кто-то бормотал бессвязные слова. Дети, прижавшись к матерям, спали тихо — слишком тихо для своего возраста. Война быстро учит детей вести себя бесшумно.

Иван Петрович прошел в дальний угол пещеры, где он еще в прошлый свой визит оборудовал нечто вроде лаборатории. Здесь стоял грубо сколоченный стол, несколько глиняных горшков с землей и маленькая масляная лампа, которую он зажег. Он поставил свинцовый ящик на пол, а росток бережно поместил в один из горшков, предварительно смешав землю с остатками Мерцающего грунта, который Кривой Нож успел захватить из подвала. Росток, почувствовав знакомую среду, слегка выпрямился и, кажется, даже потянулся к свету лампы.

— Жить будет, — тихо сказал Иван Петрович.

— А мы? — спросил Кривой Нож, который вошел следом и теперь стоял у входа, привалившись к стене.

— И мы будем жить, — ответил Иван Петрович. — Вопрос в том, как.

Он сел за стол и разложил перед собой уцелевшие глиняные таблички. При свете лампы он начал перечитывать свои записи, пытаясь составить план дальнейших действий. Семенной фонд, который они спасли, был невелик: несколько сортов пшеницы, морковь, тыква, остатки спор «Огненной лихорадки» и «Сладкой Ваты», пара пробирок с генетическими модификаторами. И, конечно, свинцовый ящик с «Гнилым Картофелем» — последний, самый страшный

kozyрь. Этого было недостаточно, чтобы восстановить ферму в прежнем виде. Но достаточно, чтобы начать сначала. Где-нибудь в другом месте. Или здесь же — если Архонт когда-нибудь уйдет.

— Мы не можем отсиживаться в пещерах вечно, — сказал он, обращаясь одновременно и к Кривому Ножу, и к самому себе. — У нас есть запасы на несколько недель, не больше. Потом начнется голод. И тогда люди либо уйдут, либо умрут. Нам нужно новое место. Или способ вернуть старое.

— Но как? — спросил Кривой Нож. — Архонт контролирует всю территорию. Его грифоны патрулируют днем и ночью. Стоит нам высунуться — и он выжжет нас, как... как тот сарай.

— Я знаю, — кивнул Иван Петрович. — Поэтому мы не будем высовываться. Мы будем ждать.

— Чего?

— Ошибки. Архонт сейчас на вершине. Он думает, что победил. А люди, которые думают, что победили, рано или поздно расслабляются. И тогда они допускают ошибку. И наша задача — быть готовыми, когда это произойдет.

Он взял одну из табличек и начал писать. План был простым и в то же время сложным. Простым — потому что он не требовал активных действий. Сложным — потому что требовал огромного терпения. Иван Петрович планировал создать под землей, в этих самых гrotах, новую экосистему. Миниатюрную, урезанную, но способную выжить и, в случае необходимости, дать отпор. Он планировал использовать «Гнилой Картофель» как последнюю линию обороны — ядерный чемоданчик, который можно активировать, если враг подойдет слишком близко. И он планировал ждать.

Дни потянулись за днями. Жизнь в гrotах вошла в угрюмую, монотонную колею. По утрам Эйнар проводил переключку и распределял обязанности: кто-то шел за водой к подземному ручью, кто-то готовил еду из скудных припасов, кто-то стоял на страже у входа. Днем, когда патрули «Ястребов» были наиболее активны, все старались не выходить на поверхность. Ночами же, под покровом темноты, разведчики Рейнджера пробирались к руинам фермы, собирая все, что могло пригодиться: уцелевшие инструменты, обрывки тканей, куски металла. И иногда — очень редко — им удавалось найти растения. Не мутировавшие, не боевые — просто дикие травы и кустарники, которые каким-то чудом пережили «Пепельную неделю». Эти находки были самыми ценными. Иван Петрович бережно пересаживал их в горшки и ставил в дальний угол пещеры, где постепенно, росток за ростком, начала формироваться новая, подземная ферма.

Whisper почти не отходила от него. Она помогала ухаживать за растениями, вслушиваясь в их «песни» и сообщая Ивану о малейших изменениях в их состоянии. Ее нейро-интерфейс, способный различать тончайшие оттенки звука, был незаменим: она могла определить, что растение заболело, задолго до появления внешних признаков. Иван Петрович, в свою очередь, учил ее всему, что знал сам. Как смешивать грунт. Как подбирать удобрения. Как скрещивать виды, чтобы получить нужные свойства. Это было похоже на передачу знаний от отца к дочери.

Или от деда к внучке. И в эти моменты, работая бок о бок с Whisper в тусклом свете масляной лампы, Иван Петрович почти забывал о том, что творится наверху.

Но реальность всегда напоминала о себе. Каждые несколько дней Архонт совершал облет территории. Его грифоны пронеслись над холмами, выискивая уцелевших. Иногда они сбрасывали что-то вроде световых бомб — небольших зарядов «Священного Огня», которые взрывались при падении, выжигая все живое в радиусе нескольких десятков метров. Эти бомбардировки не причиняли вреда тем, кто прятался в гротах — минеральные породы надежно защищали от излучения, — но они служили постоянным напоминанием: враг рядом. Враг ждет. Враг не успокоится, пока не уничтожит последний росток.

И все же Иван Петрович ждал. Ждал и работал. Работал и верил. Верил и помнил. Помнил каждое растение, которое потерял. Каждого человека, которого не смог спасти. Каждый луч «Священного Огня», который вгрызлся в его землю.

Он помнил — и ждал своего часа.

Часть 5. Тишина и обещание

На исходе второй недели их подземной жизни Иван Петрович впервые за много дней позволил себе выйти на поверхность не по необходимости, а просто так — чтобы подышать свежим воздухом и посмотреть на небо. Он выбрался из гротов на рассвете, когда патрули «Ястребов» еще спали, и сел на валун у входа, глядя на восток. Солнце, багровое и огромное, поднималось над холмами, окрашивая небо в привычные тревожные тона. Те же тона, что и всегда. Но теперь этот багрянец казался не символом надежды, а цветом пролитой крови. Крови его растений. Крови его Стража. Крови его друзей.

Рядом с ним, закутавшись в старый плащ, сидела Whisper. Она держала в руках кружку с травяным отваром — последним, заваренным из запасов Поющей травы, которые удалось спасти. Отвар был горьковатым, с привкусом дыма, но все равно согревал.

— О чем ты думаешь? — спросила она.

— О будущем, — ответил Иван Петрович. — О том, что будет, когда все это закончится.

— А это когда-нибудь закончится?

— Должно. Все когда-нибудь заканчивается. Даже война. Даже жизнь.

Он замолчал, глядя на догорающий горизонт. Потом вдруг сказал:

— Знаешь, когда я был молодым, я мечтал о многом. Стать инженером. Построить мост. объездить мир. А потом поступил в сельхозинститут — на спор. И остался. И всю жизнь поработал с землей. Когда я вышел на пенсию, я думал: ну всё, отпахал свое. Теперь можно отдыхать. Копаться в огороде, возиться с внуками, пить чай на веранде. А потом внук подарил мне эту капсулу, и я попал сюда. И знаешь, что я понял?

— Что?

— Что я никогда по-настоящему не жил. Там, в реальном мире, я просто существовал. Ждал, когда закончится работа. Ждал, когда вырастет урожай. Ждал, когда приедет внук. Я всегда чего-то ждал, вместо того чтобы просто быть. А здесь... здесь я нашел себя. Здесь я стал тем, кем всегда хотел быть. Не инженером. Не путешественником. Даже не просто агрономом. Я стал... творцом. Я создавал жизнь. Я защищал ее. Я терял ее, но создавал снова. И даже сейчас, когда всё, что я создал, превратилось в пепел, я не жалею. Потому что я жил. По-настоящему жил.

Whisper долго молчала. Потом тихо спросила:

— Ты вернешься? В реальный мир?

— Когда-нибудь. Но не сейчас. Сейчас у меня здесь незаконченное дело.

— Какое?

Иван Петрович не ответил. Он смотрел на восток, где в утренней дымке уже проступали силуэты грифонов, и думал. Думал о том, что его час еще не настал. Что «Гнилой Картофель» еще не активирован. Что река, питающая всю округу, еще не превратилась в ядовитое месиво. И что пока он жив, пока у него есть силы и воля, он будет бороться. За свою землю. За своих людей. За свою внучку. За каждый росток, который еще можно спасти.

— Я обещаю тебе, — сказал он вдруг, поворачиваясь к Whisper. — Я обещаю, что мы вернемся. Что мы отстроим мельницу заново. Что мы посадим новые поля. Что Золотая пшеница снова будет петь по утрам. Я не знаю, сколько времени это займет. Может быть, недели. Может быть, месяцы. Может быть, годы. Но мы вернемся.

— Я знаю, — ответила Whisper. — Я всегда это знала.

Она взяла его за руку, и они еще долго сидели так, глядя на восходящее солнце. Где-то в пещере, в дальнем углу, пульсировал зеленый огонек. Где-то на руинах мельницы медленно остывали оплавленные камни. Где-то на восточных холмах Архонт, проснувшись в своем шатре, проверял заряд «Искры» и планировал новую атаку.

Но здесь, на валуне у входа в гроты, было тихо. И в этой тишине, в этом холодном, пред-рассветном воздухе, в этой горьковатой смеси пепла и надежды, Иван Петрович чувствовал, что он еще не побежден. Что его война только начинается.

Он поднялся, отряхнул пепел с одежды и зашагал обратно в пещеру. Впереди был новый день. Новые заботы. Новые планы. Впереди была жизнь. И пока он жив — жива и его земля.

Конец главы.

Глава 3. Скорбь и гнев

Часть 1. Скорбь и пепел

В гротах пахло сыростью, золой и застарелым, глухим отчаянием. Этот запах не выветривался уже которую ночь — он впитался в одежду, в волосы, в каменные стены, словно сам воздух здесь был пропитан горем. Светящийся мох на сводах давал ровное, мертвенное свечение, достаточное, чтобы различать лица, но недостаточное, чтобы разогнать тени, залегающие под глазами у каждого, кто нашёл здесь убежище.

Иван Петрович сидел в дальнем углу пещеры, у маленького очага, который он соорудил из обломков глиняного горшка и остатков масла. Он не грелся — просто смотрел на огонь. В его ладони, заскорузлой и покрытой шрамами от виртуальной работы, лежал кусочек оплавленного дерева. То, что осталось от Дендроида-стража. От его сердца.

В очаге тихо потрескивали угли. Иван Петрович не шевелился. Его лицо, обычно выражавшее ворчливую, но живую сосредоточенность, сейчас было пустым. Таким пустым, каким бывает поле после пожара, когда уже ни одно семя не сможет прорасти без посторонней помощи. Взгляд, устремлённый на пламя, ничего не выражал. Ни боли, ни гнева, ни надежды. Только бесконечную, глухую усталость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.